

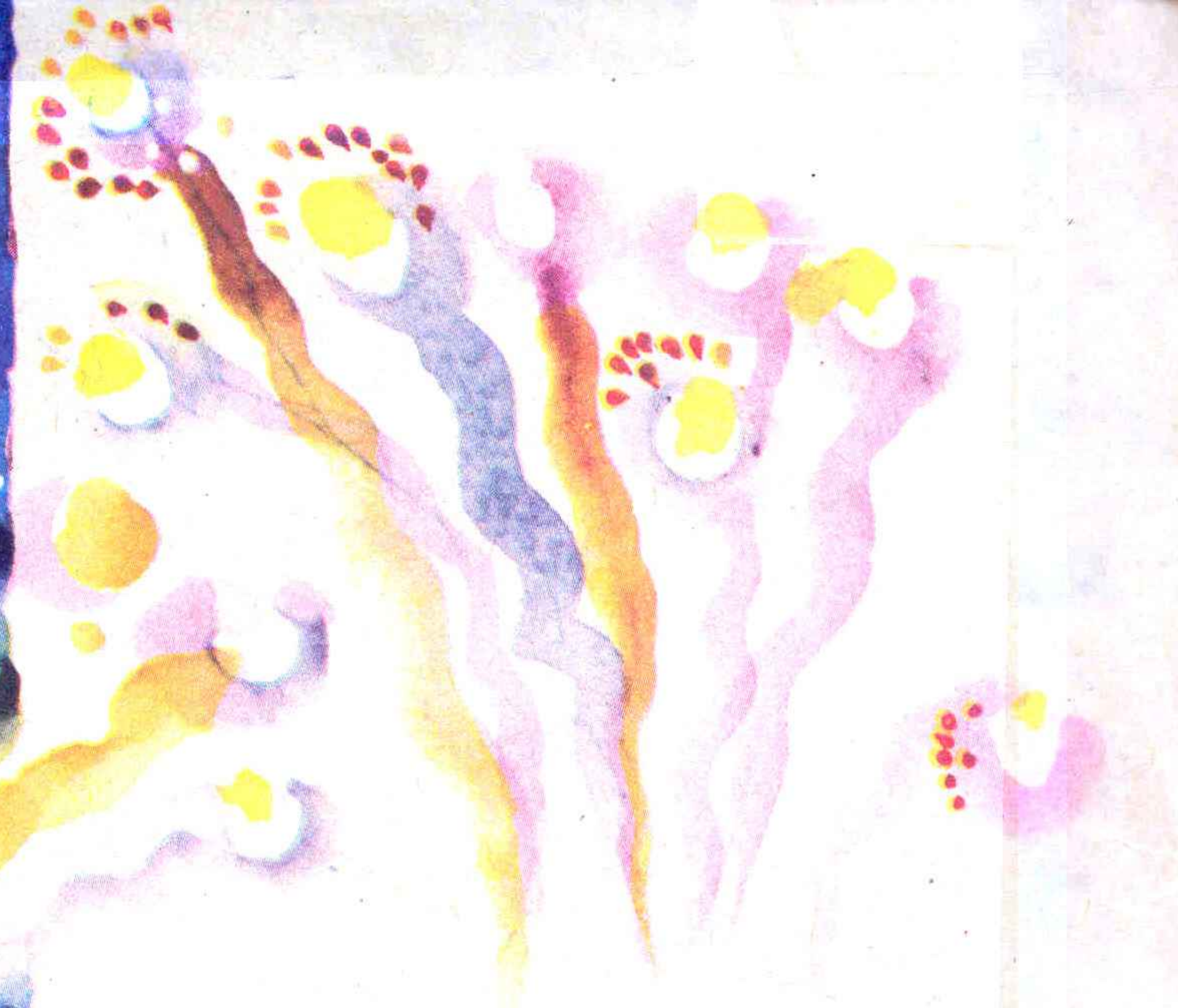

Мурзилка

МАЙ
№ 5
1977

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ

НАШ ПРАЗДНИК

Лев КУЗЬМИН

Куда мы в праздник наш идём?
Мы все спешим на площадь,
Где май под солнечным дождём
Прохладный шёлк полощет!
Мы поравняем свой шажок
С широким взрослым шагом,
И пусть наш маленький флажок
Летит, горит, как огонёк,
В соседстве с красным флагом.

Рис. Н. ВОРОНКОВА

© «Мурзилка», 1977 г.

1 Мая

ДЕНЬ

МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЛИДАРНОСТИ ТРУДЯЩИХСЯ

МАЙ
№ 5
1977

Твёрдое небо
не пускает.
Воробей в плену.
Как поступит
Галя?

В НОМЕРЕ:

КТО

мычит?

Кто

мекает?

Кто

стрекочет?

Стихи

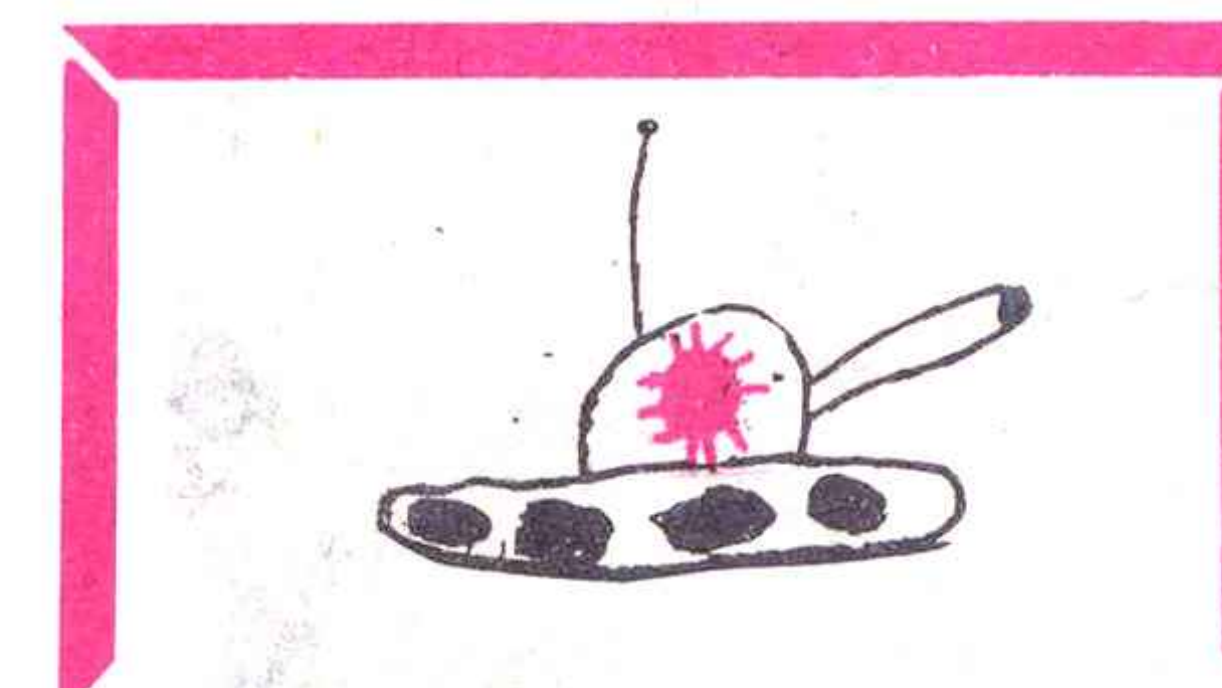
Нонны Слепаковой.

Сколько раз
вы читали сказку
про Красную Шапочку?
Настоящие сказки
не надоедают никогда.

Художник П. Багин ходил
по острову Врангеля
нешком.

Что он увидел?

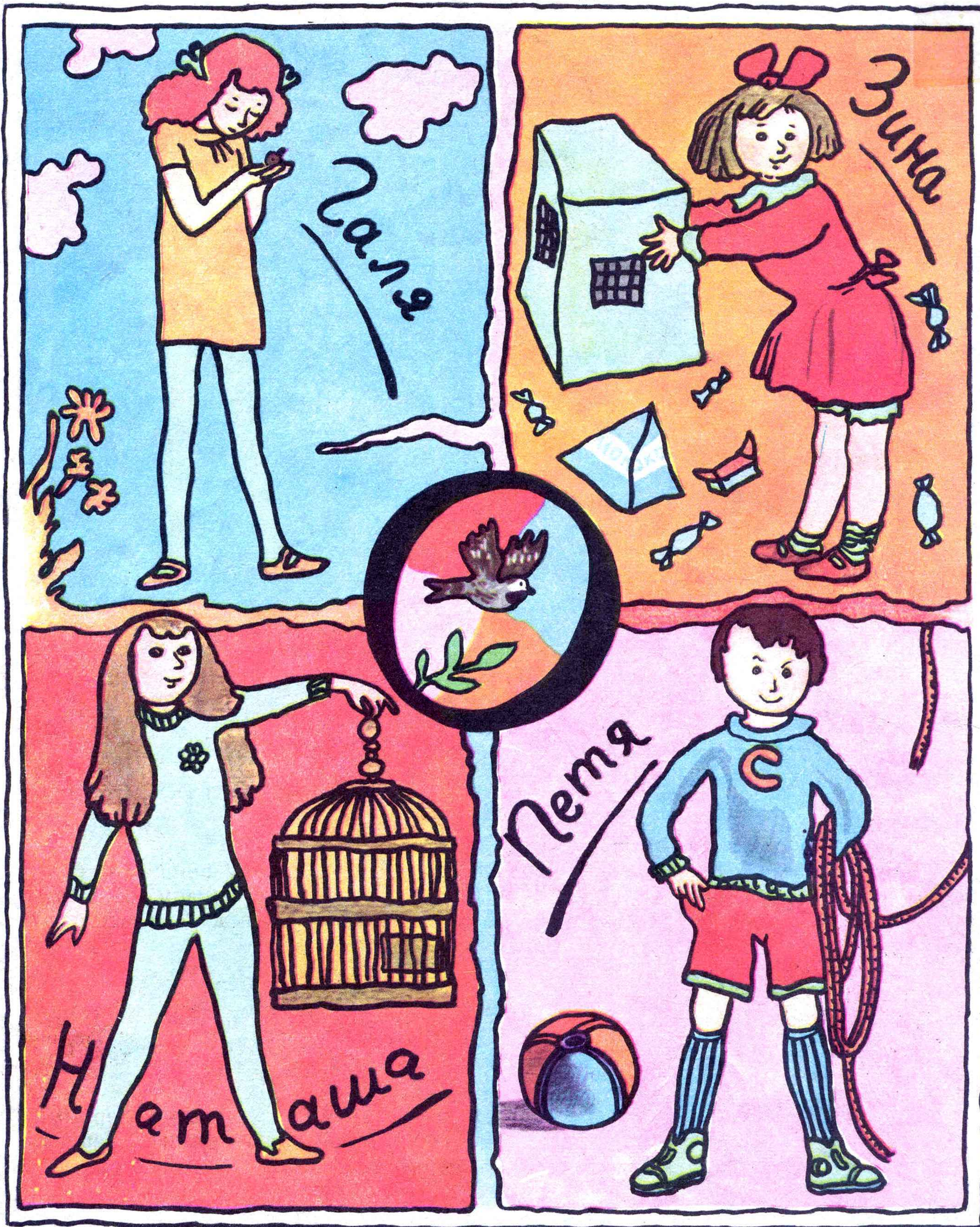
НОВЫЕ РИСУНКИ ОКТЯБРЯ.
КОНКУРС ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Плавание на «Одуванчике».
Самая лёгкая лодка в мире
готовится в путь.

Н. Артюхова

рисунком
С. Денисова

ВОРОБЕЙ

Воробей ударился о стекло на лестнице и, трепыхая крылышками, опустился на каменный пол.

Посидел, удивлённый, и уже собирался взлететь, чтобы снова со всего размаха помчаться в это странное, твёрдое небо, которое не пускает...

— Постой, глупенький! Разобьёшься! — крикнула Галя, сбежала со ступенек и обеими руками схватила птичку. Воробей немного зацарапал и защекотал ладони тонкими лапками.

Галя с восторженным визгом выбежала во двор.

— Птичка! Живая птичка!

Ребята, игравшие около подъезда, бросились к ней.

— Какой хорошенький! — воскликнула Наташа.

— Это воробей, — сказала Зина.

А Петя сказал:

— Держи крепче, а то улетит!

Воробей вертел головкой и вправо и влево.

У него были блестящие, чёрные, озорные глаза. По глазам никак нельзя было догадаться, что он испугался.

Но воробьиное сердчишко так и стучало, часто-часто, прямо в Галин безымянный палец: тук-тук-тук!

— Галя, дай его мне! — попросил Петя.

— А что ты с ним сделаешь?

— В кармане буду носить, всюду будет со мной... а чтобы не улетел, на верёвочку его привяжу.

— Не давай! Не давай! — в один голос закричали Наташа и Зина.

— Уж эти мальчишки! — прибавила Зина с негодованием. — Только бы им кого-нибудь помучить! Как будто воробей не человек и ему не больно! Дай его мне, Галя, у меня ему будет хорошо.

— А ты что с ним сделаешь?

— Я его посажу в коробку — большую, картонную, дырочек в ней сделаю, чтоб дышал, и кормить его буду молоком, конфетами...

— Не давай, не давай! — перебила Наташа. — Очень ему приятно в коробке сидеть одному. Отдай его лучше мне, Галя. У меня хорошая, настоящая клетка. В ней и кормушка, и ванночка, и стаканчик для воды... Он даже летать в ней сможет... Хорошая клетка... Там прежде чирик был, а теперь никто не живёт...

— Тогда уж пускай общий будет, — сказала Зина, — чтоб никому не обидно. Один день пускай живёт у меня, потом у Пети, потом у Наташи...

— А Гале-то самой ничего?

— Ну, четвертый день у Гали...

— Галя, давай будет общий!

Так просили Наташа, Зина и Петя. А воробей смотрел на Галю и тоже, казалось, просил её о чём-то, без слов просил, одними весёлыми чёрными глазами и вот этим туканьем сердца.

Как вы думаете, ребята, что сделала Галя с воробышком?

ОКТАБРЯТА — ПО СТРАНЕ ОКТАБРЯ

Продолжается конкурс. Октябрюта всё больше узнают о нашей стране — родине Октябрюта. Наблюдают, думают, рисуют много хорошего — и сами от этого становятся лучше.

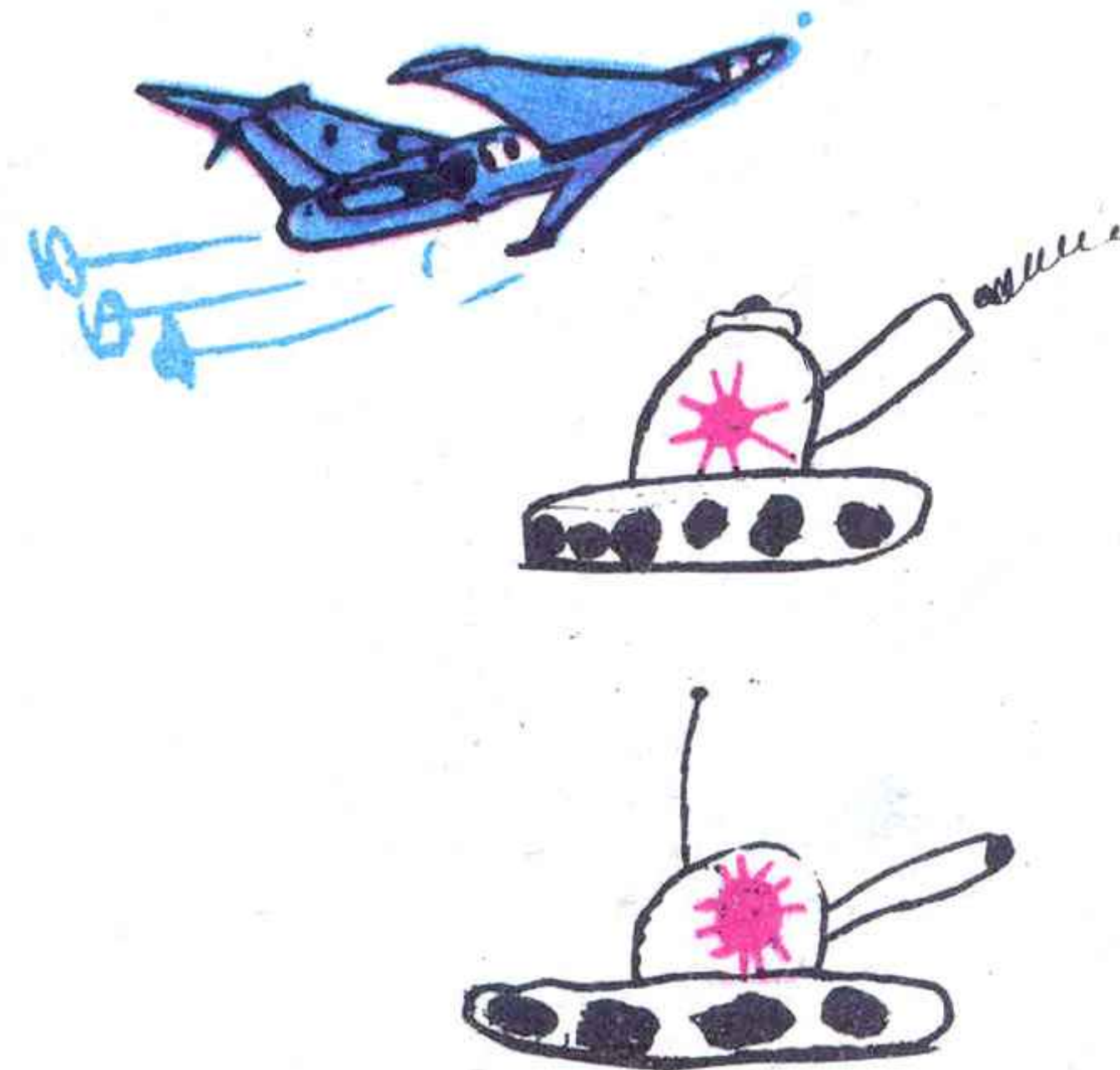
Посмотришь на картинку — и сразу понятно, что человек считает важным в нашей, советской жизни, о чём задумывается, какое у него настроение.

Эти два рисунка сделали ребята, у которых счастливое настроение. О чём они мечтают? Чтобы все люди жили в мире. Вон какой могучий белый го-

*Миру — мир.
Рис. Саши Кайналайнен,
9 лет, Ленинград.*

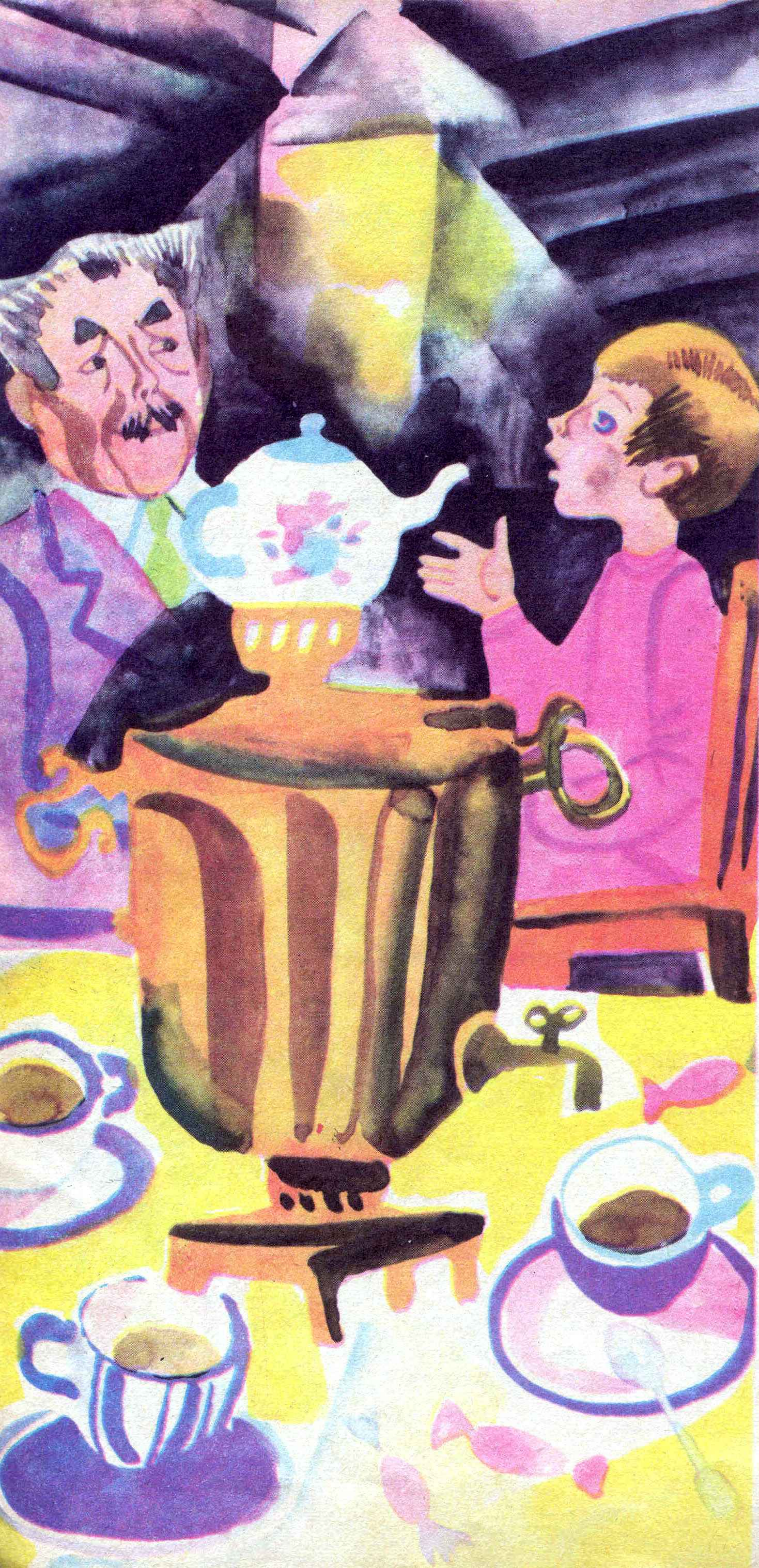

*Здравствуй, праздник.
Рис. Оли Морозовой,
7 лет, Ленинград.*

лубь — во всё небо. Чтобы заслонить небо от чёрных самолётов, от бомб, от войны. Октябрюта верят, что небо будет мирным над всей планетой. Летом в Москве соберутся ребята постарше на Международный детский фестиваль. И от имени всех детей земли скажут: «Пусть всегда будет солнце!»

А второй рисунок? Все октябрюта знают, когда пришёл на нашу землю мир. Это было 9 мая 1945 года. С тех пор каждый год гремит победный праздничный салют. Тысячи разноцветных ракет как тысячи маленьких солнц. Весело, светло как днём.

Юрий КОРИНЕЦ

МОИ РАЗГОВОРЫ С САШЕЙ

Рис. С. ОСТРОВА

Подошёл я в Валдае к автобусной остановке, смотрю — знакомое лицо возле машины стоит! Старушка в плисовом пальто, в сапогах, в синем платочке. В первое мгновение я растерялся от неожиданности, а потом поздоровался. Это же бабушка Даша, она же тётя Даша, Дарья Степановна! Та самая, к которой я в деревню еду. Такая она молодая, румяная — даром что шестьдесят лет.

Лицо её всё из розовых картофелин состоит: лоб — большая картофелина, щёки — две картофелины, нос — маленькая картофелина, да ещё одна картофелина — подбородок. Все картофелины связаны в кулёк ситцевым платком. А между ними цветут два лиловых картофельных цветка: глаза смеются.

— Куда это вы? — спрашивает Дарья Степановна.

— К вам... А Саша как поживает?

— Да вон он, в кабине сидит...

Посмотрел я в кабину машины-автобуса (автобус здесь просто грузовик, крытый тентом), а за стеклом Сашина мордочка. Нос о стекло расплющил, улыбается мне.

Подивились мы с Дарьей Степановной вслух такой нашей неожиданной встрече и поехали в деревню — в тихую Нелюшку на берегу Валдайского озера, где живут бабушка и Саша.

Дорога в Нелюшку идёт вокруг Валдайского озера — как только заедешь за озеро, тут тебе на высоком зелёном холме, над озером, и стоит Нелюшка. А на краю деревни и Сашин дом.

Прямо перед домом — под крутым берегом — широкая гладь Валдайского озера. За домом — на холмах — картофельные поля с лиловыми цветами, да овсы, да рожь, а ещё дальше — леса с озёрами, болотами и лужайками. Любил я ездить сюда рыбу ловить, грибы собирать, рисовать. А ещё я любил с Сашей беседовать. Лучшего собеседни-

ка я себе и желать не мог. Хотя Саше было в тот год всего пять лет, а мне сорок два... но не в годах дело! Иногда и старый с малым подружиться могут, если они друг другу интересны.

Беседы наши я часто записывал, мне они очень нравились.

Недавно я случайно нашёл эти записки, перечитал их, и как живой встал с пожелтевших страниц мой давнишний друг — маленький умный Саша. Сейчас-то он, конечно, уже большой. Ходит в школу. А может, уже и кончает её. И я решил свои записки напечатать: пусть другие тоже познакомятся с интересным собеседником. Может быть, и Саша их прочтёт, узнает себя и меня и напишет мне письмо... но это уже наше личное дело.

А записки — вот, предлагаю их вашему вниманию.

* * *

Я привёз Саше из Москвы краски, и он сразу же захотел рисовать.

— А что ты рисовать-то будешь? — спросил я.

Саша подумал и говорит:

— Дом нарисую и полусадик.
— Палисадник? — переспросил я.
— Нет, по-лу-са-дик! Сад — это большой, а полусадик — ма-аленький...
Мы сидим в избе у самовара, чай пьём, беседуем...

— Когда я хожу гулять, — говорит Саша, — я иногда кошку с собой беру. Но с ней к людям-то не пойдёшь, дядя Юра! Так я её у людей в сенях в клетку запираю.

— Почему же с ней к людям не пойдёшь?

— Да надсмешно будет, дядя Юра! Чудно слишком.

— А в какую клетку ты её запираешь?

— В которой попугай жил.
— Какой попугай?
— Да такой... попугая нешто не знаешь? Обыкновенный. Зелёный.

— Откуда он взялся?
— Да купили, наверно, в магазине.

— Кто?!
— Да Афонькины!
— Это к которым ты в гости ходишь?
— Ну да.
— А попугай сейчас где?
— Улетел!

Никогда Саша за словом в карман не полезет. И никогда не знаешь, где у него правда, где выдумка... Но этим он и интересен!

* * *

Один раз утром Дарья Степановна решила перевести кур в холодную половину избы, в неприбранную комнату, которая служила временной кладовкой. Дверь в ту комнату была сорвана с петель. Надо было приколотить её досками к косякам — чтобы куры не убежали. Стала бабушка гвозди искать. Долго искала в разном хламе, в подызбице — в подполе то есть — и наконец нашла. Саша бежит ко мне:

— Дядя Юра! Гвозди давно в подызбице поставлены, а не заржавели!

— Неужели? — удивился я. — Ну, это просто чудо!

Саша обрадовался:

— Правда, дядя Юра! Давно поставлены и стояли в грязи даже, а не заржавлены!

— Может быть, они заколдованные?

— А не знаю... Сейчас я тебе покажу их. Бабушка, дай-ка один гвоздь, надо дяде Юре показать.

Приносит мне Саша гвоздь. Повертел я гвоздь в руках и говорю:

— Не иначе как он заколдованный!

У Саши прямо глаза загорелись.

— Почему? — говорит.

— Видишь, какой он гладкий, чистый и острый? И шляпка на нём — видишь, какая?

— Какая?

— Красивая, вот какая! Не помятая нигде. Франтоватый гвоздь. А ведь долго в подызбице лежал, в грязи... Конечно, заколдованный.

Саша очень обрадовался. Никогда не видел он ничего заколдованного.

Потом мы с бабушкой прибывали дверь, а Саша говорил:

— То-то крепко будут держать заколдованные гвозди! Вот изба рассыплется, а дверь не отворится!

* * *

Больше всего мы с Сашей говорили о крысах, волках и медведях.

— А много их в Нелюшке, крысы? — спрашиваю.

— Целая куча! — убеждённо говорит Саша.

— А ты их видел?

— Видел.

— Где?

— В лесу. Один раз мы пошли в лес, собаку с собой брали. Видим — под кустом крыса сидит. Собака — хам! хам! — и проглотила её!

— Да неужто это крыса была? Какие же в лесу крысы?

— Она там прогуливалась, наверное, — говорит Саша. — Мы же ходим в лес, ну и крысы ходят. Гулять. А ещё я видел крысу в Ленинграде: идём по Невскому, а крыса улицу переходит!

— Ну, это уж ты, брат, заврался!

Саша задумался.

— Я забыл. Это не в Ленинграде, а здесь, в Нелюшке. А в Ленинграде их нет — ни крыс, ни белочек, ни волков, ни медведей. Ни-ко-го!

— Жалко, — сказал я.

— Очень жалко, — согласился Саша. — Я ведь больше всего на свете люблю белочек! И заек, и лисиц... маленьких...

Дело в том, что Сашины родители живут в Ленинграде, и Саша тоже там живёт. Только мало. Он всё больше гостит у бабушки в деревне.

— А на охоту ты когда-нибудь ходил? — спрашиваю.

— Нет, не ходил.

Саша врать не любит. Если он иногда просто выдумает чего-нибудь, так это же другое дело!

— И на волков не ходил?

— Что ты, дядя Юра! Ружье-то у меня есть, но детское. Я из него с мостка птиц стрелял... Убил... двух воробьёв...

Тут Саша задумался: жалко ему, наверное, воробьёв стало. Хотя в защиту Саши скажу, что не убивал он их вовсе, воробьёв. Улетели они. Игра это была. Но даже в игре жалко стало ему воробьёв.

— Сразу двух и убил?

— Да сразу же! Там ведь два пистона в ружье, — и Саша глубоко вздохнул.

— А волков ты хоть сроду видал?

— Нет, не видал, — признаётся Саша.

— А я вот видала волков, — вмешалась в наш разговор бабушка.

Она отдыхала на печке, прислушиваясь к нашей беседе.

— Гнали мы один раз овец, — вспоминает она, — а ОН идёт через болото в стадо! — Это «ОН» бабушка сказала так значительно, как о людях-разбойниках говорят; нам сразу страшно стало. — Ничего не говоря, прямо в стадо

идёт! — продолжала бабушка. — Какой красивый — гладкий, рыжий, но небольшой. Так и катит к овцам, так и катит... Женщина была со мной, кричит: «Даша, Даша, гляди-ко — волк!» ОН услышал её и повернул. Я на горку выскочила, глянула, а ОН уже к лесу идёт. Рыжий, красивый, идёт-идёт и оглянется, вот так. — Бабушка показала, как ОН оглядывается. — Кабы женщина не крикнула, ОН бы захватил у нас овец-то...

* * *

Больше всего нравилось мне, как Саша лекарства принимал. Особенно горькую микстуру и капли в глаза. Саша гордился своими лекарствами. Несколько раз в день он переспрашивал меня:

— Сколько мне выписали лекарств, дядя Юра?

— Пять, — отвечал я. — Капли да мазь — в глаза да три в рот: витамины, микстуру и сироп.

— Вот сколько лекарств, — с удовольствием говорил Саша. — Пять!

Саша всегда сам напоминал бабушке, когда надо капли пускать или микстуру глотать. Спокойно ложился он на кровать, на спину, а мы с бабушкой пускали ему в глаза капли через соломинку. И тут Саша всегда начинал плакать...

— Чего ж ты плачешь-то? — спросил я его в первый раз. — Ведь сам же просил!

— Так очень ведь щиплет, дядя Юра! И я думал про себя: вот какой Саша молодец! И знает, что капли щиплют и что микстура горькая, и плачет — а терпит! И даже сам напоминает, что пора лекарством заняться.

И вспомнил я слова о том, что не тот храбрец, который ничего не боится, а тот, кто знает свой страх, да может его побороть. Если это необходимо.

И понял я тогда, что мой маленький Саша очень храбрый человек.

НАГРАДЫ РОДИНЫ

ОРДЕН ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

Дорогой октябрёнок!

Сегодня наш рассказ — об ордене Трудового Красного Знамени. В середине ордена изображена плотина гидроэлектростанции. Её обрамляет зубчатое колесо. Без таких колёс — шестерней, шестерёнок — не построишь ни большого станка, ни самой маленькой машины, к примеру, часов. Есть на орденом знаке серп и молот. А в самом верху — красное знамя.

Сейчас весь народ готовится к 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Каждый на своём рабочем месте старается сделать больше и лучше, чтобы страна была ещё богаче, чтобы жизнь людей была ещё счастливее. В юбилей Великого Октября тех, кто совершит подвиг в труде, Родина наградит орденом Трудового Красного Знамени.

Борис Сергуненков
Сладкая

Трава
Рисовал В. Дмитриев

На вершине горы росла сладкая трава. Одному козлу захотелось попробовать этой травы. Решил он забраться на вершину. Лез, лез — устал. Дальше идти не может, а сладкая трава его к себе призывает. Говорит козёл:

— Это я разве устал? Я не устал. Гора высока. Впереди ещё больше устану.

Собрался с силами и полез наверх. Из сил выбился, а до сладкой травы далеко. Говорит козёл:

— И это я ещё не устал. Гора высока. Впереди больше устану.

Опять он полез, а сладкой травы не видать. Лёг козёл, и не подняться ему больше.

— И это я ещё не устал, — говорит. — Гора высока. Вот когда доберусь до травы, тогда устану.

Тут и добрался козёл до сладкой травы.

Ах, какая это была трава, сочная, вкусная, сладкая! Сахарная трава!

Арсений СЕДУГИН

ВЕСЕННИЙ ДЕНЁК

Озорной
Весенний день
Окунул лицо
В сирень.

ИГРУШЕЧНЫЙ МАСТЕР

Ловко строгают
Липовые чурочки,
Прыгают из рук
Петушки и курочки.

ГАЛЧАТА

Вывела галка
Маленьких галчат.
Остренькие клювики
Из гнезда торчат.

ИГРА В КАМУШКИ

Стук, стук камушки
Друг об друга.
Друг уехал далеко,
Грустно друг без друга.

Остров Врангеля

П. БАГИН, рисунки автора

Далеко на Севере, во льдах, лежит остров Врангеля.

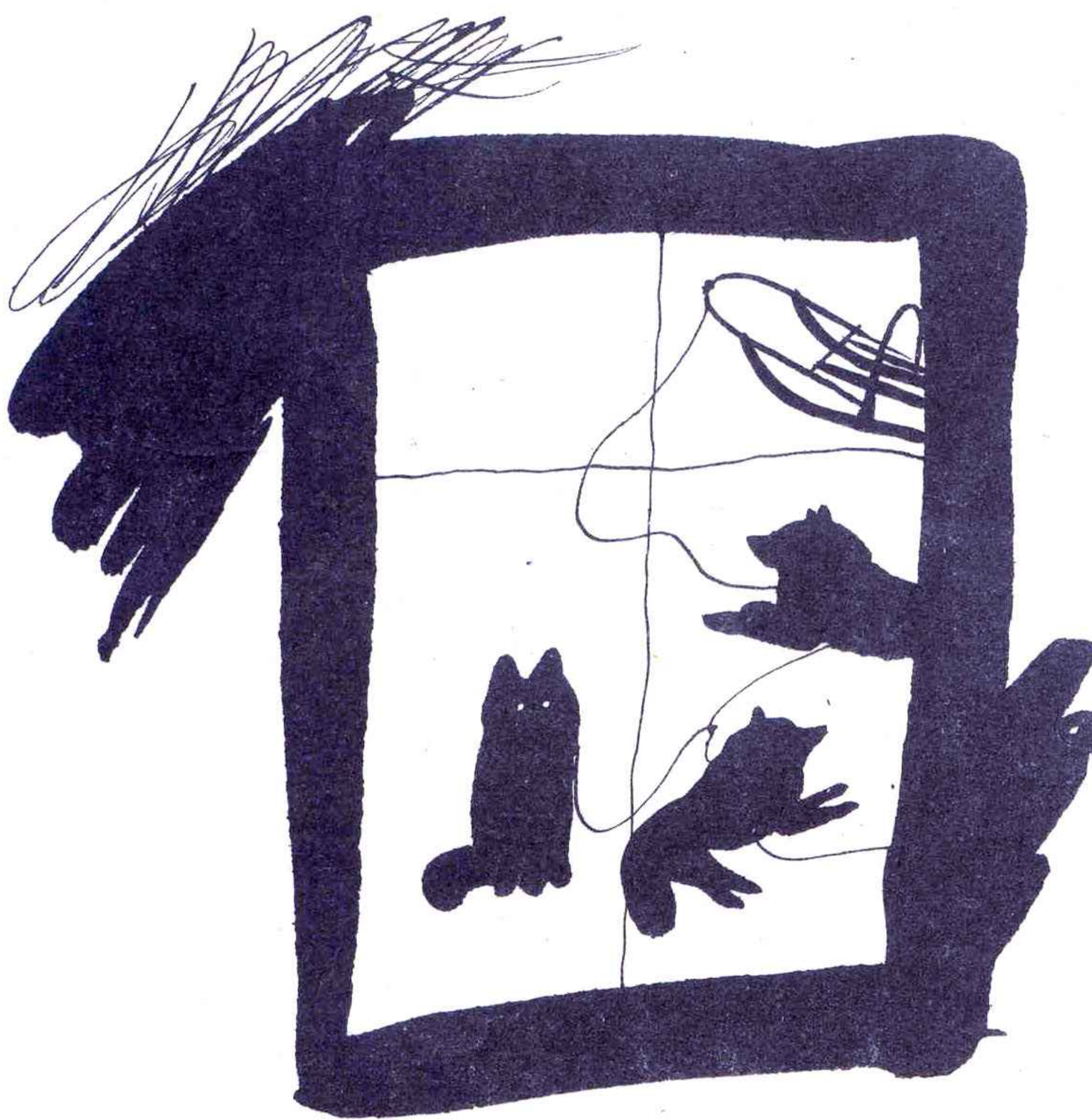
Мрачен остров зимой, в стужу и метели. Полыхнёт полярное сияние, высветит отвесные скалы берега, округлые вершины гор и белого медведя на розовом снегу. Пробежит невдалеке пёс, пролетит ворон. Над островом полярная ночь.

Но вот показалось солнце, подули южные ветры. Запестрели проталинами вершины сопки. Стаял снег, отогрелась земля. На оттаявших кочках появились мелкие, с воробьиный глаз, фиолетовые цветы с тонким запахом. Тяжело гудя, на них опускаются огромные чёрные шмели с золотыми полосками.

В глубь острова потянули белые гуси, на неприступных скалах ожили птичьи базары. А когда вскрылось море, подплыли на льдинах моржи. Началось полярное лето.

Мне давно хотелось побывать на острове. И вот в конце мая я прилетел в посёлок Ушаковский, где живут оленеводы и охотники. Дома стояли в снежных сугробах. Греясь на солнышке, лежали лохматые дымчатые псы. Рядом собачьи нарты. Где-то за посёлком тархтел вездеход. Пробежали ребяташки — у них начались летние каникулы.

Ребята часто заходят в школу, где я живу. Говорим о том, о чём — кто сильнее, морж или белый медведь, почему днище вельбота красят в красный цвет, как найти в тундре полярную сову.

Под берегом, на заснеженной песчаной косе, разбежались домики полярной станции, где живут полярники. Они следят за состоянием моря, толщиной льда, направлением и скоростью ветра и делают много других наблюдений. Для чего всё это нужно? Чтобы знать, какая будет погода.

Ходил я по острову пешком, ездил на вездеходе, летал на вертолёте. Я рисовал ребятшек, собачьи упряжки, охотников, оленеводов.

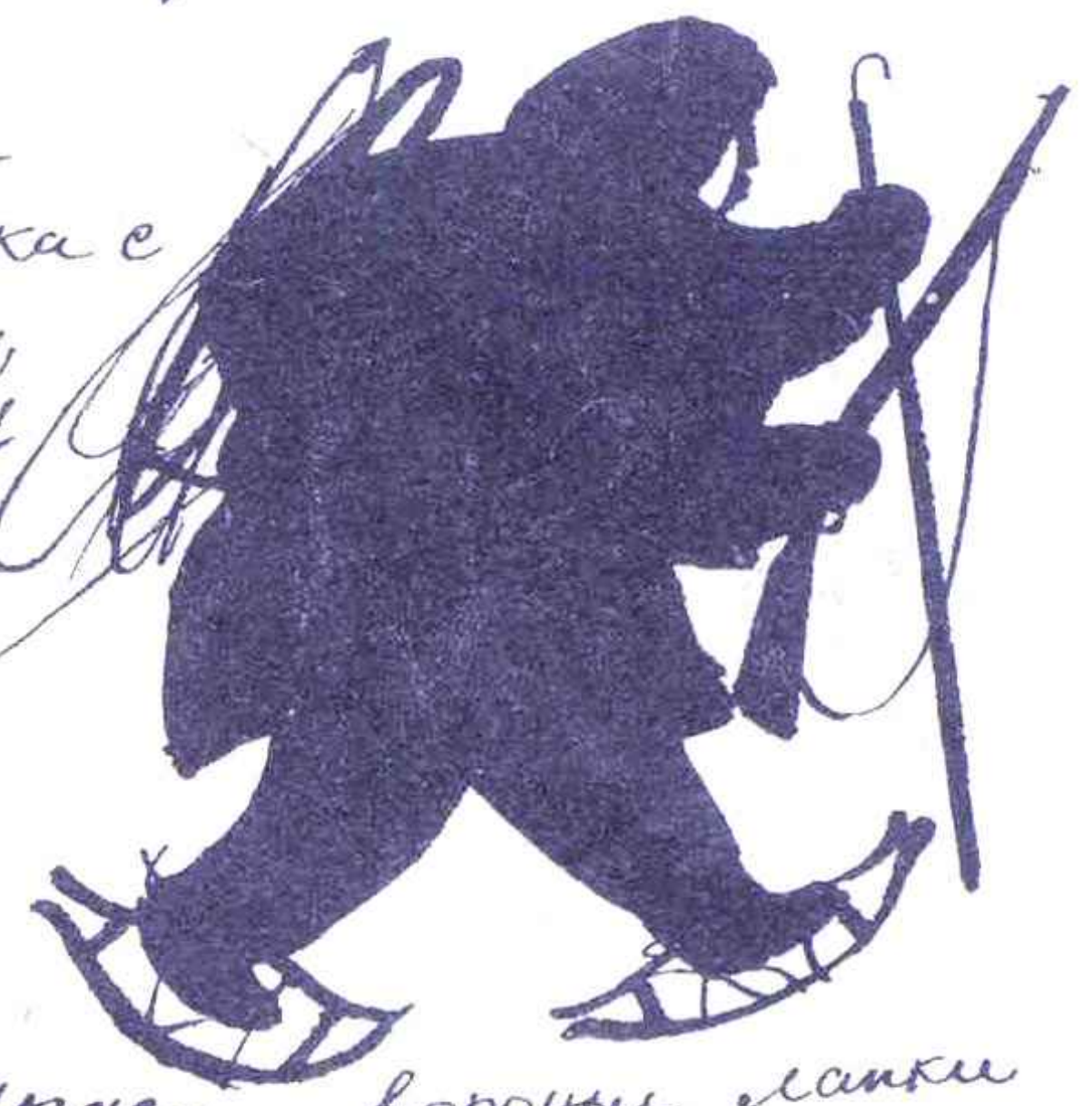
На этих страницах вы увидите некоторые из моих рисунков.

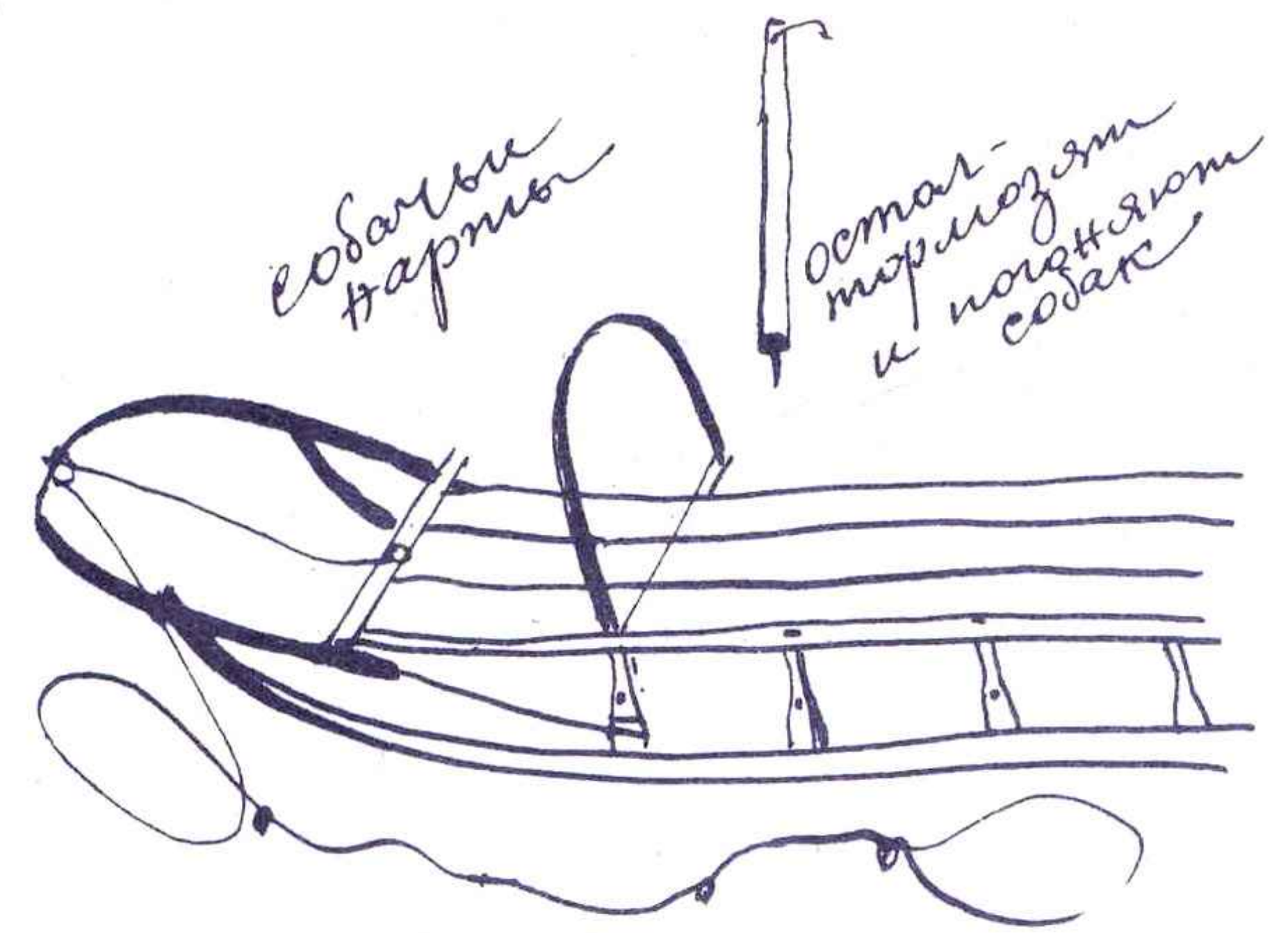
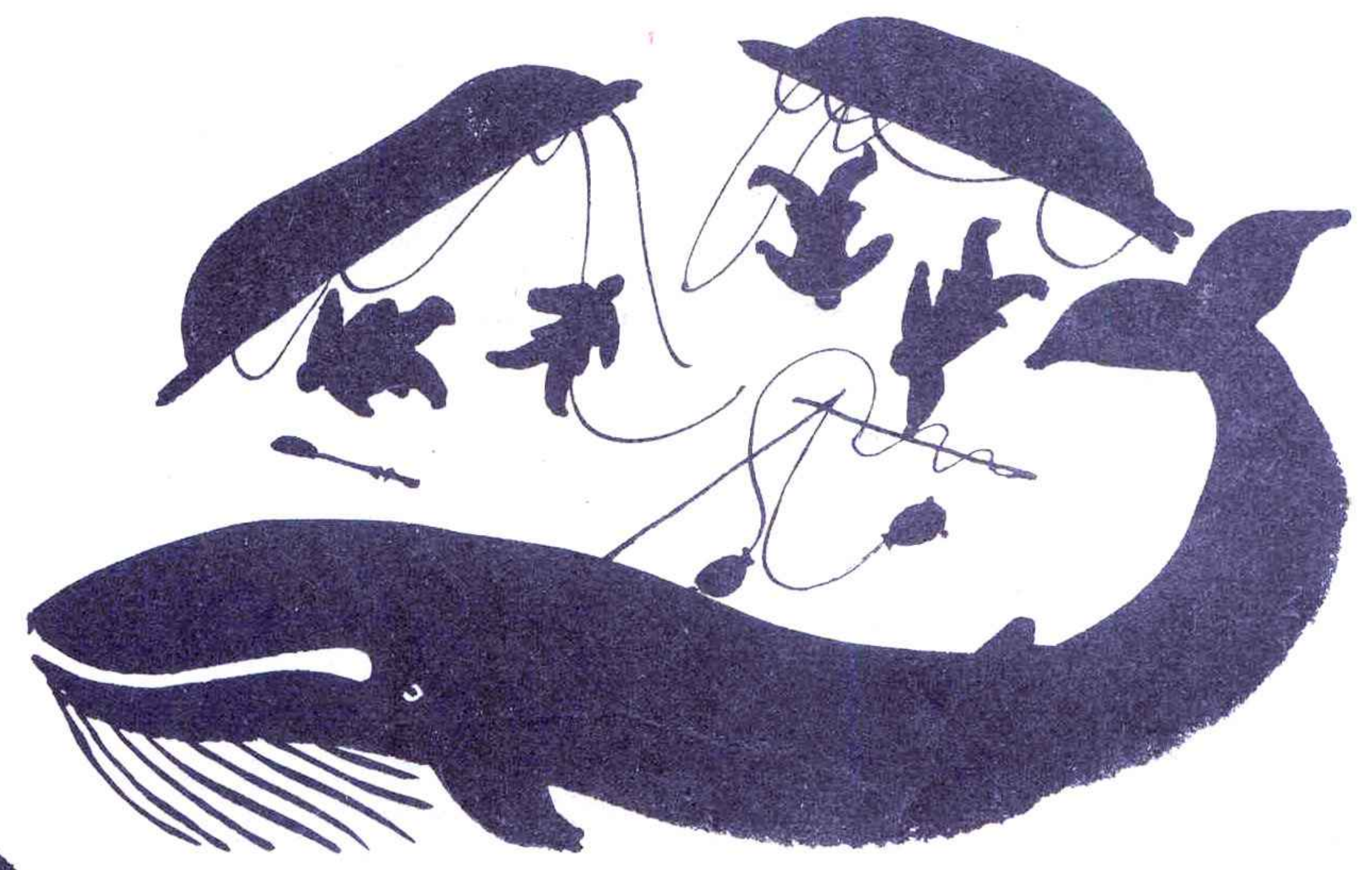
Птичий базар на море Уэрини

Что охотник берет с собой?

Акын-деревяшка с крючками, достаёт нерпу из лунки! Носок, связку ремешков

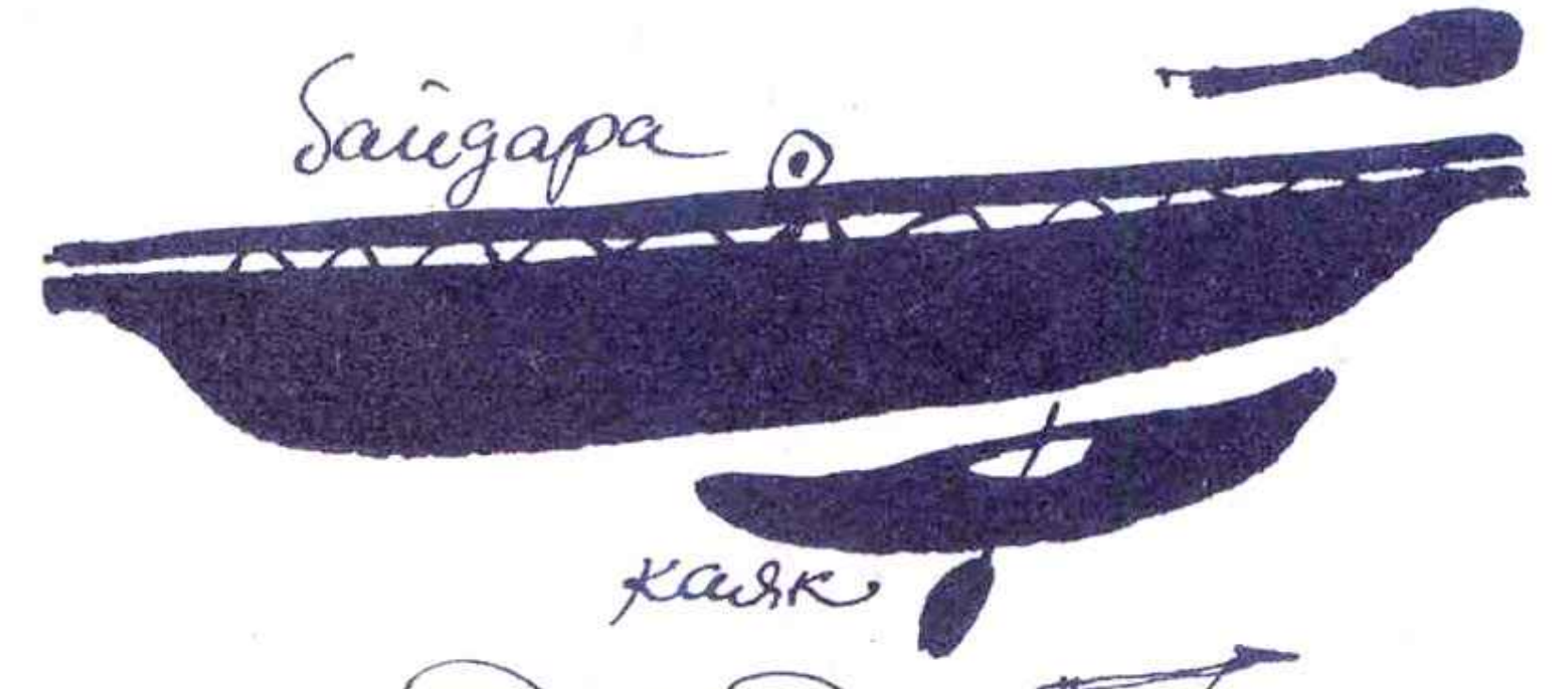

Может - вороньи лапки

собачьи упряжки

остатки торпед и погоняют собак

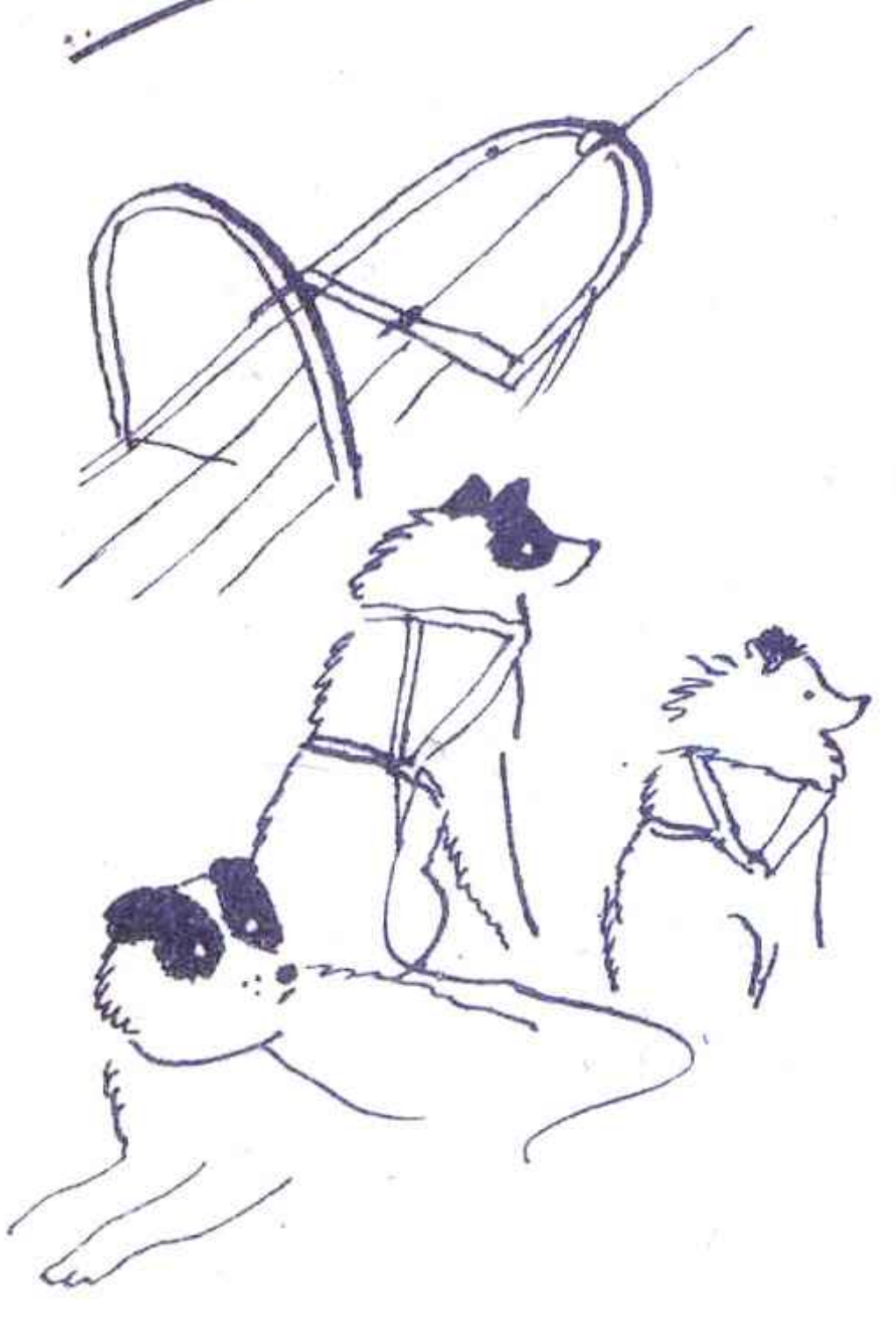
Сайгара

кавок

гаргунги

Бросаем част ирхат

Полярная станция

локатор

Запускают зонг

КТО ЖИВЁТ В ХЛЕВУ?

Нонна СЛЕПАКОВА

— Это я живу!
Это я мычу
Петр Иванычу:

Выпускай меня, Иваныч,
Погулять на лугах,
Солнце, выросшее за ночь,
Покачать на рогах!

На лугах — роса,
Под росой — цветы.
Разбежались глаза
От такой пестроты!

Я займусь привычным делом:
Во лугах погощу,
Всё цветное станет белым —
В молоко превращу!

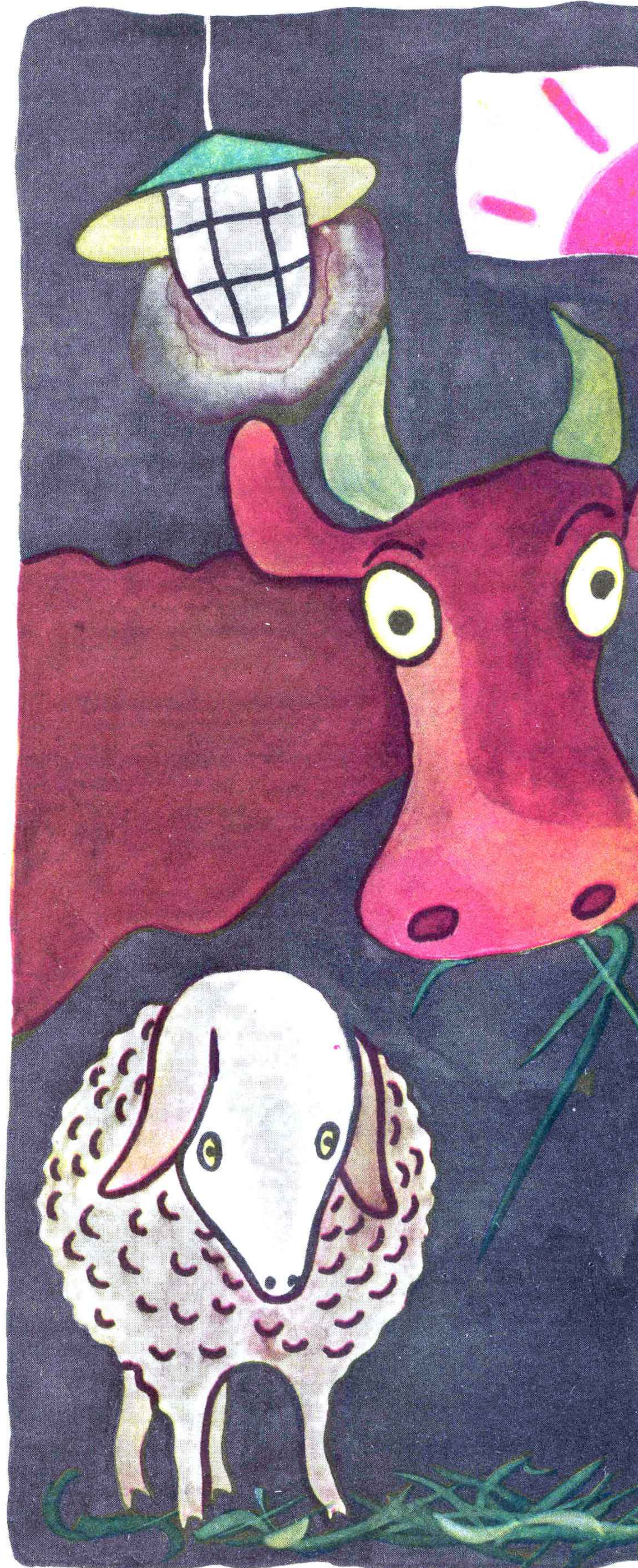
КТО ЖИВЁТ В ХЛЕВУ?

— Это я живу!
Говорю «ме-ме»
Я Семёновне:

Выпускай меня, овечку,
Погулять со двора!
Мне, овечке, в нашу речку
Поглядеться пора!

Вот река течёт,
Разливается,
Моя шерстка растёт,
Завивается!

Голубой поплю водички,
Во лугах погощу,
В шерстяные рукавички
Я траву превращу!

КТО ЖИВЁТ В ХЛЕВУ?

— Это я живу!
Стрекочу в уголку,
Время в ступке толку!

Не хочу гулять нисколько!
Я, сверчок, — домосед.
А каков я, знает только
Паучок, мой сосед.

Вот и стадо пришло...
Значит, стало темно...
А какое число —
Это мне всё равно.

Стрекочу и не скучаю.
Я не прочь. Мне не лень.
Превращаю, превращаю
День — в ночь. Ночь — в день.

Рис. Г. КОВЕНЧУКА

19 мая — самый главный праздник детей нашей страны, день рождения Всесоюзной пионерской организации. Все именинники. Все нарядные. Блузы белые. Пилотки голубые. И красным-красно от галстуков.

Очень хороший день! Праздник у моего сына Саши. И у меня.

Я люблю своё детство, хотя оно уже далеко. И свою юность, хотя она тоже уже ушла. Но и детство и юность мои прошли в красном галстуке. Потому что в детстве я, как все, была пионеркой. А в юности — вожатой. Когда наступает 19 мая, мне так хочется снова повязать галстук. Сказать ему: «Здравствуй! Спасибо тебе, мой галстук! Мы с тобой облетели много дорог, подружился с хорошими людьми. Нам есть что вспомнить».

...Война. Маленький городок на Урале. Тёмный школьный коридор — электричество тогда экономили. Мы стоим на своей первой в жизни линейке. Говорим слова Торжественного обещания. Они были другие, не такие, как сейчас, потому что было другое время:

«...Я буду неустанно готовиться к защите Родины. Клянусь в этом именем борцов, отдавших жизнь за наше счастье. Буду вечно помнить, что их кровь горит на моём пионерском галстуке и на нашем Красном знамени...»

Нам повязывают галстуки. Они такие и не совсем такие, как сейчас. Мой — даже не красный, а розовый. Теперь-то я понимаю — выцветший, линялый. Очень старенький. Мама сказала: «Довоенный!» А слово «довоенный» произносили тогда с нежностью, с улыбкой и грустью, потому что очень любили люди свою добрую довоенную жизнь. У других ребят галстуки не лучше. У кого самодельный: вырезанный из подходящей ткани. А у кого крашенный. Но разом всё покраснело, засветилось в тёмном коридоре. Такой свет шёл от наших галстуков!

Потом галстук оказался пропуском в госпиталь — к раненым бойцам. Мы у проходной. У других спрашивают документы: «У вас есть разрешение?» А у нас ничего не спрашивают: «А-а! Пионеры! Проходите».

Заходим к раненым. Они нас очень ждут. Улыбаются. Говорят: «Доченька! Сынок!», хоть среди них есть совсем молоденькие. Мы наводим порядок на тумбочках, ставим на окно букет из еловых веток с шишками. В палате стало уютнее. Запахло хвоей. Мы поём раненым песни. Читаем стихи.

...Мой послевоенный галстук — шёлковый, лёгкий и яркий. С ним я вступала в комсомол. Стала вожатой.

И вот «Артек». Море синее. Небо синее. А галстуки — галстуки разноцветные. Потому что сюда приезжают ребята со всех концов мира. Из разных стран, разных детских организаций. В «Артеке» все быстро становятся друзьями. Я очень счастливая. Но каждый раз, когда приходится расставаться, всем бывает грустно. Одно расставание я буду помнить всегда. Это были мальчишки — сыновья коммунистов из далёкой страны, где детям рабочих живётся трудно. Я провожала их до самого аэродрома. Поднялась с ними по трапу в самолёт.

— Пора, товарищ вожатая! — сказала стюардесса. Мы обнялись с ребятами.

— Иди! — сказали мальчишки. — Мы будем смотреть на тебя. А ты махни нам галстуком.

Потом я получила письмо: «Мы долго-долго видели твой галстук... Спасибо за всё...»

...Подрастал мой сын — Саша. Когда он вступал в пионеры, я решила отдать ему свой галстук. И сказала:

— Твой дед стал коммунистом в годы революции. Твой папа был комсомольцем, когда сражался с фашистами.

Смотри, у галстука три конца. Это чтобы ты всегда помнил, что коммунисты, комсомольцы и пионеры крепко связаны, как одна семья.

Саше тринадцать лет. Ещё год — и я верю, он в этом галстуке будет вступать в комсомол. Как когда-то я...

СПАСИБО
ТЕБЕ,
МОЙ
ГАЛСТУК

Ирина ЗАРАХОВИЧ

ПАССАЖИР ЗА ПАЗУХОЙ

Помню, когда я был маленьким, я набирал из чайника в бутылку горячей воды и выходил во двор поливать снег, чтобы он скорее растаял, чтоб скорее пришла весна.

Задолго до прихода весны я срезаю тополиную ветку, ставлю в кувшин с водой, жду. Скоро раскрываются почки, а весны всё нет и нет. А когда наконец приходит она — вяннут на столе тополиные листья, блёкнут, жалко становится их, и думаешь, куда торопился, только ветку испортил. И всё-таки каждый год зимой я ставлю на стол ветку тополя, чтоб скорее увидеть зелёный лист, чтоб поторопить весну.

Пришла весна, и я стал готовиться к плаванию на «Одуванчике». Испытания на Яузе прошли хорошо, я был уверен, что «Одуванчик» не подведёт. Плавание хотелось начать, когда зацветут одуванчики.

Самой первой возникла идея пройти на «Одуванчике» Великий Северный морской путь, но пришлось отвергнуть её, потому что в тех далёких арктических краях одуванчики не растут.

После долгих сомнений и споров с Беловым я выбрал маршрут, решил проплыть на самой лёгкой лодке несколько северных озёр, которые соединены между собой протокой.

Вдруг незадолго перед отъездом мне позвонили из журнала «Мурзилка».

— Не возьмёте ли с собой пассажира? — услышал я.

— Ни в коем случае. Лодка всё-таки очень лёгкая, перегружать её нельзя.

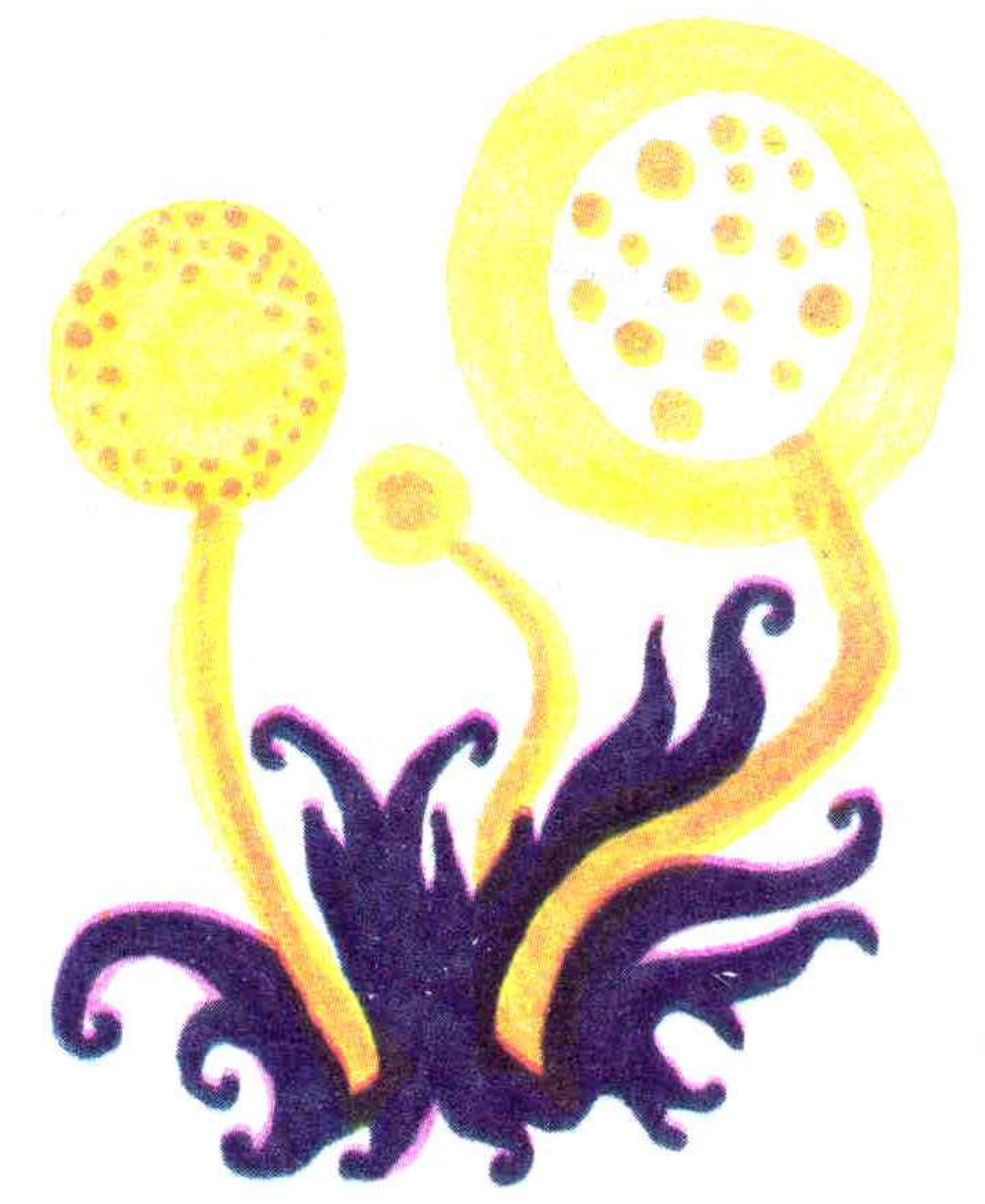
— Наш пассажир весит немного. Приезжайте взглянуть на него.

Я приехал в «Мурзилку» и увидел там нескольких писателей и художников. На мой взгляд, все они были чуть тяжеловаты.

— Не вижу пассажира, — заметил я, усаживаясь за письменный стол. Вдруг в столе что-то зашуршало, ящик выдвинулся сам собой, а из ящика вылезло пушистое существо в красном берете.

— Это и есть наш пассажир, — объяснили мне. — Но не волнуйтесь, он будет не только пассажиром, он будет вашим помощником, ведь плавание предстоит нелёгкое. Вы встретите интересных людей, узнаете, как живут ребята в деревнях, и мы даём вам задание потом рассказать об этих встречах в журнале.

С удовольствием глядел я на Мурзилку, которого, конечно, сразу узнал. Он был жёлтый и пушистый, как одуванчик. Мурзилка, в свою очередь, разглядывал меня и вдруг подмигнул, дескать, не волнуйся, всё будет в порядке.

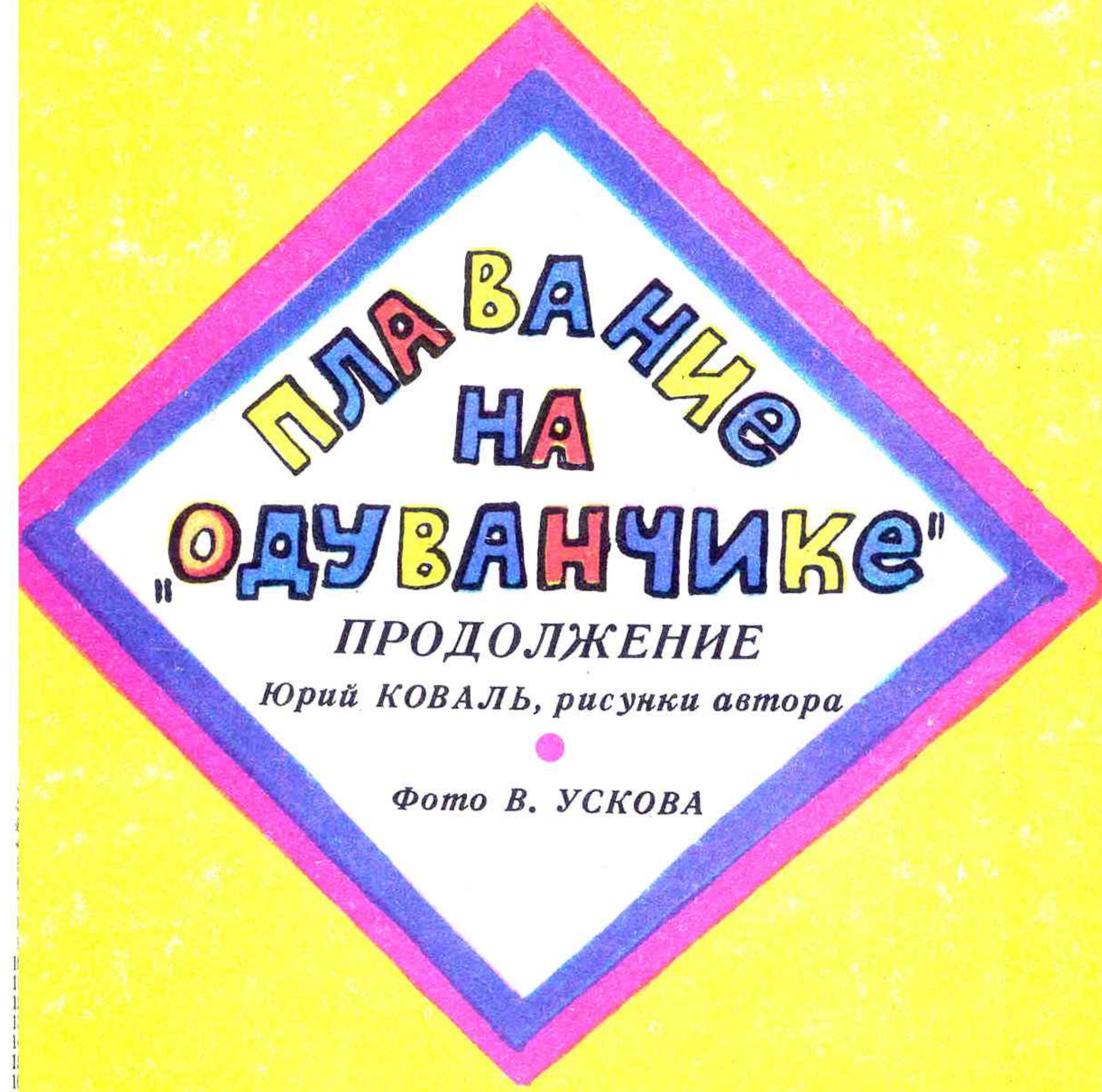
— Беру пассажира, — согласился я. — Но иногда ему придётся посидеть в рюкзаке.

— Ни за что! — отчеканил пушистый пассажир. — Сидеть в рюкзаке — это оскорбительно. Я буду сидеть на носу лодки или на мачте. Я буду вперёдсмотрящий.

— Ладно, — сказал я. — А пока полезай ко мне за пазуху.

КОЛБАСА И САПОГИ

Обычно за много недель до отъезда ложусь на диван и начинаю думать, что взять с собой в дорогу. Это приятно: лежать и думать о консервах, о фонарях и удочках.

Собрать рюкзак — это для меня всегда сложное дело. Я никогда не знаю, что положить вниз: сапоги или колбасу!

Вроде бы вниз надо сунуть сапоги — до болот доберёмся мы не скоро, сапоги пока не понадобятся, а колбаса нужна всегда. Но, с другой стороны, колбасу надо экономить. Во-все не обязательно съедать её в первый день, можно купить на станции пирожков. Значит, колбаса — снизу, сапоги — сверху. Но ведь пирожков на станции может не оказаться, где же тогда быть колбасе!

— Да сунь ты её в сапоги, и дело с концом, — сказал фотограф Виктор Усков.

В огромнейших сапогах-бахилах он сидел в моей комнате и тоже рассуждал о колбасе. Конечно, сапоги надел он не случайно. Усков отправлялся со мной в плавание вместо Белова, который был сражён новой болезнью, на этот раз уже не керосинового, а простудного характера.

Я понимаю, что читателей, которые привыкли к Белову, это немного огорчит. Я тоже огорчился, но надеялся, что Усков заменит Белова, тем более он, как и Белов, носит бороду. С Усковым мы не раз бывали вместе в тайге. Мне нравилось, что он не боится медведей и хорошо варит по утрам кашу «Геркулес».

Проводить нас пришли оба милиционера с жёнами и детьми, кое-кто из друзей. Провожаящие бегали из комнаты в кухню, давали советы, вышибая этими советами остатки смысла из моей головы. Дети рисовали лозунг: «СЧАСТЛИВОГО ПЛАВАНИЯ!» Поминутно звонил телефон, и я слышал в трубке голос детского писателя Эдуарда Успенского:

— Ты меня ждёшь?

— Жду.

— Подожди ещё немного.

Сумерки, которые давно уж сгущались над городом, сгустились окончательно, превратились в поздний вечер. А мы всё ждали Успенского, который взялся на своей машине довезти нас до Большой Воды.

От нечего делать собравшиеся стали выбирать капитана плавания. Это меня удивило. Мне казалось, что капитан — это я.

— Ты безрассуден, — сказали мне. — Всё делаешь очертя голову. Не знаешь даже, как колбасу в рюкзак уложить.

Проголосовали и выбрали капитаном Ускова. Усков зарделся от счастья.

— Не волнуйся, — сказал он и похлопал меня по плечу. — Я буду хорошим капитаном. Буду часто отпускать тебя на берег.

Всё-таки я немного огорчился. Как-никак это я задумал плавание, нашёл бамбук, построил лодку, и вот я уже и не капитан.

— Чепуха, — шепнул мне из-за пазухи Мурзилка. — Ты будешь адмиралом. Согласен!

«ГРОЗА АСФАЛЬТА»

Наконец приехал Успенский. Мы быстро погрузили вещи в серые «Жигули», привязали на крышу «Одуванчик» так, что нос его был виден через ветровое стекло машины.

— Я в машину не полезу, — шептал мне Мурзилка. — Я хочу быть на корабле.

— Холодно, — возражал я.

— Вперёд! — скомандовал капитан.

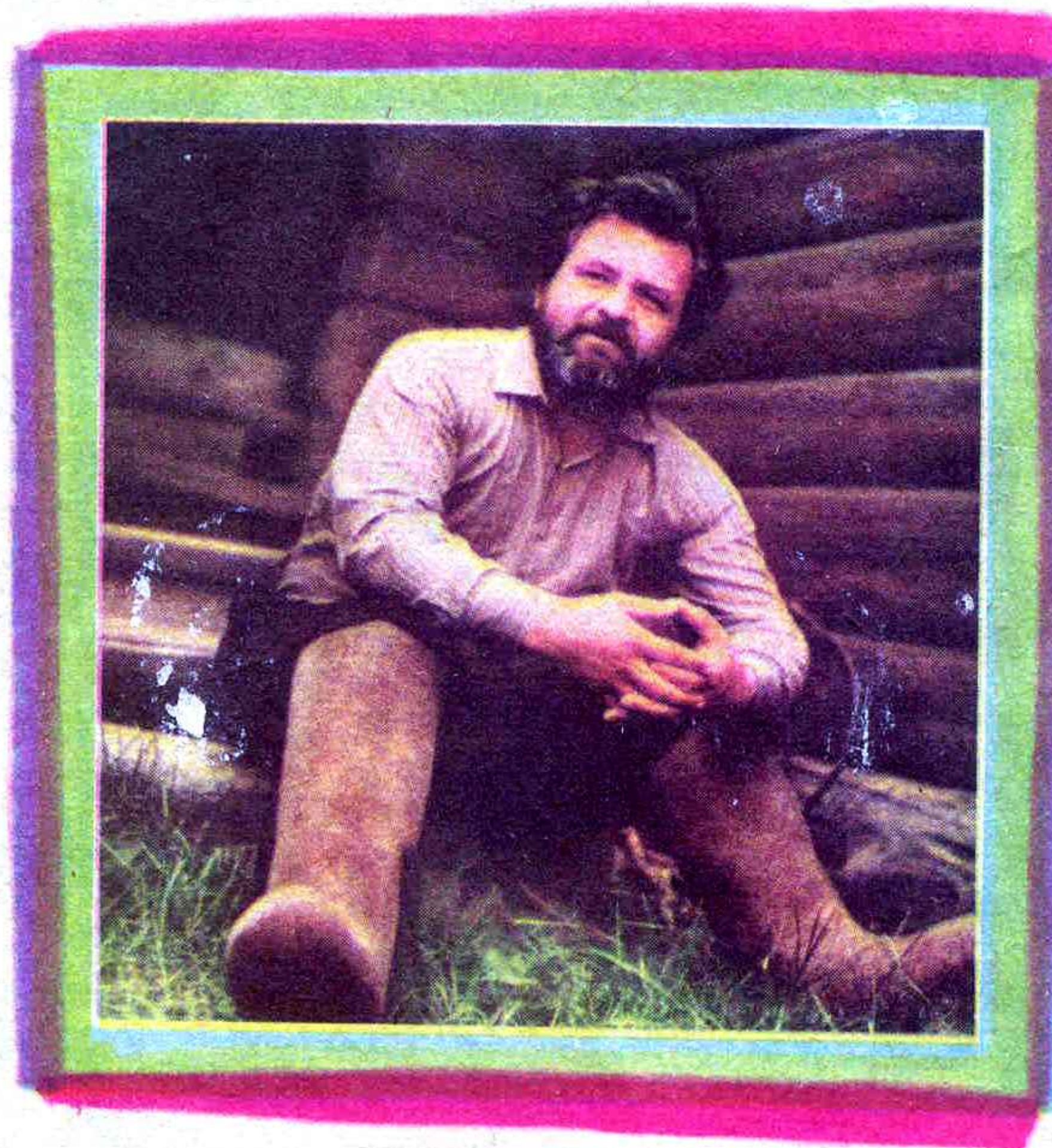
Писатель нажал педаль, и мы поехали, но не вперёд, а куда-то вправо.

— Куда мы едем! — спросил фотокапитан.

— На Выставку достижений.

Ответ писателя слегка пришиб нас, а Успенский отвёз нас на выставку, потом к какому-то Володе, который дал нам собачку по имени Астра. Эту Астру мы отвезли в Новогиреево, и только после этого Успенский сказал: «Вперёд!»

Рассекая носом встречный воздух, запел на крыше «Одуванчик».

— Давайте и мы споём, — предложил Успенский и на ходу сочинил песню:

Не хочу я сидеть
На диванчике.
А хочу улететь
На «Одуванчике».

— Уплыть, а не улететь, — поправил капитан Усков.

— Ерунда, — сказал Успенский, прибавляя газу. — Я правильно сказал «улететь».

— «Одуванчик» — лодка, а не самолёт, — возразил Усков.

— А я хочу улететь не на лодке, а на том одуванчике, что в поле растёт, — сказал Успенский и ещё прибавил скорость.

— А на том не улетишь, он слишком маленький.

Вместо ответа Успенский яростно прибавил скорость. Чёрный, сырой от ночной росы асфальт, как гладкая река, лился под колёса.

Скорость всё возрастала, и Усков замолчал, как видно сообразив, что с детскими писателями лучше не спорить. Однако молчание не помогло, скорость увеличивалась. Усков заволновался, и я решил немного успокоить его.

— Мой друг Эдуард Николаевич Успенский — классный водитель. Он знает машину как свои пять пальцев. Если у нас лопнет шина, никто так быстро, как Эдуард Николаевич, не сменит колесо.

— А если мы врежемся в столб! — спросил Усков.

Этот простенький вопрос ещё прибавил скорости, и я решил резко изменить тему разговора.

— Слушай, — сказал я Успенскому, — давай придумаем для твоей машины имя, вроде как у моего «Одуванчика». Назовем её, к примеру, «Колесницей счастья».

— Лучше назовём «Чебурашкой», — сказал Усков. — Того гляди чебурахнемся.

— Мы назовём её «Гроза асфальта», — мрачно сказал Успенский и поднял скорость на недостижимую высоту:

Только очень большие
Болванчики
Не умеют летать
На одуванчике.

ЧЕЛОВЕК В ВАЛЕНКАХ

Поздней ночью мы свернули с шоссе на просёлочную дорогу и оказались в лесу. Выбоины и колдобины подбрасывали машину, и, взлетая вверх, я видел месяц над вершинами ёлок.

Скоро мы выехали на поле, и впереди показалась деревня, залитая светом луны. Деревня спала. Только в одном доме окна были освещены.

С Мурзилкой за пазухой я вылез из машины, подошёл к освещённому окну, забрался на лавочку и заглянул в дом. Над столом, заваленным рисунками, склонился бородатый человек и тоненькой кисточкой рисовал что-то. Приглядевшись, я понял, что он рисует. Он рисовал Мурзилку.

— Узнаёшь? — спросил я потихоньку.

— Конечно, — шепнул Мурзилка. — Это Николай Александрович Устинов.

Я легонько стукнул в стекло — художник вздрогнул, поглядел в окно и улыбнулся.

Я улыбнулся в ответ, но тут художник приблизил лицо своё к стеклу, и глаза его изобразили крайнее изумление. Он воздел руки к потолку, торжественно закричал что-то и выскочил на крыльцо в огромных валенках.

Потом, уже за чаем, я спросил Устинова:

— Почему ты улыбнулся, когда первый раз глянул в окно? Ведь ты узнал меня только потом, когда пригляделся.

— Я улыбнулся своему отражению.

Долго в ту ночь мы не ложились спать. Устинов показывал нам свои новые рисунки к стихам Сергея Есенина, напоил чаем с черничным вареньем. Мы все устали в дороге и немного замёрзли. Устинов дал кому полушубок, кому пиджак, а мне — валенки.

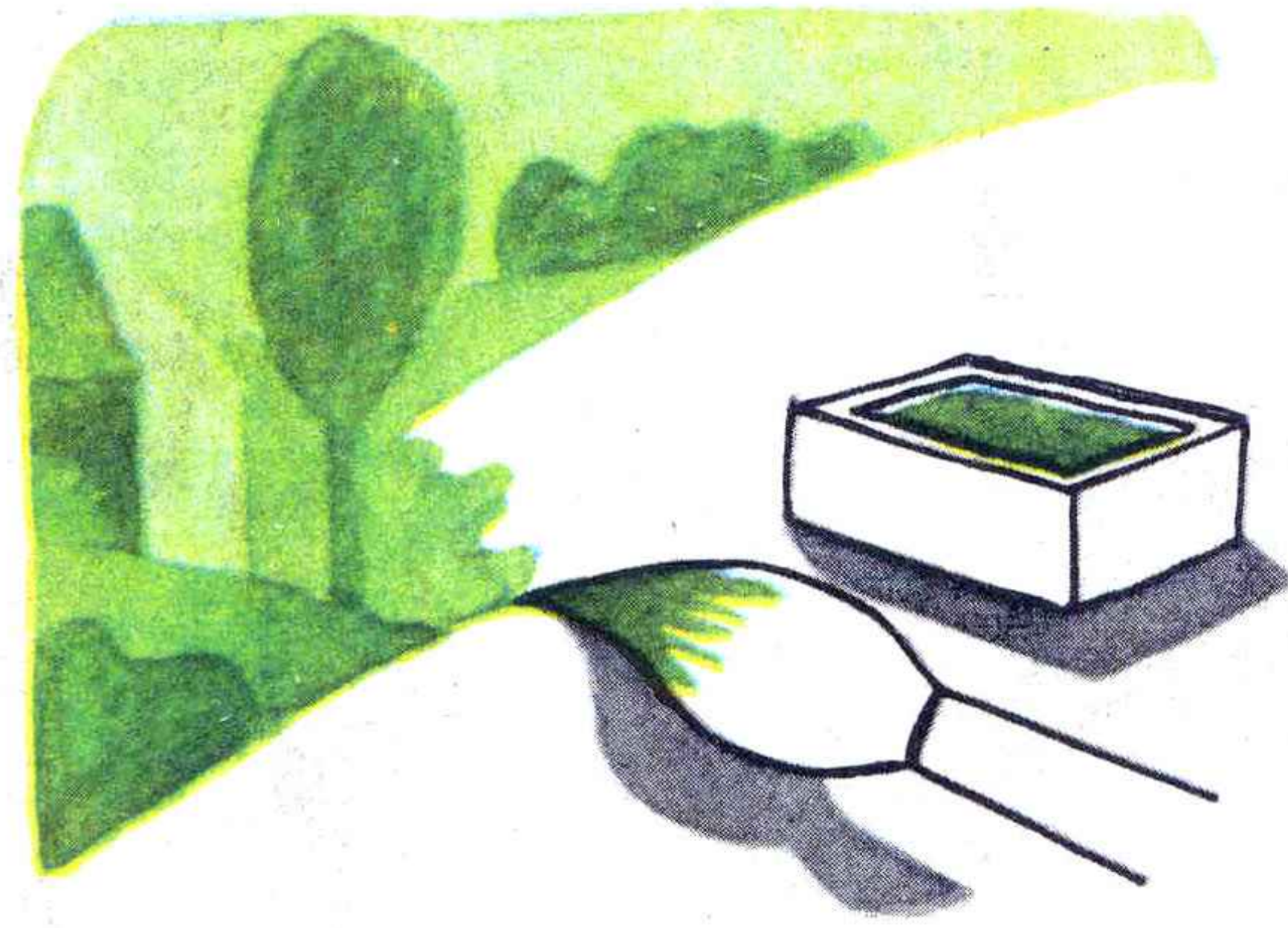
Хороши были устиновские валенки, тёплые и мягкие.

Об этих валенках вспоминал я и на другой день, когда мы доехали до Вазеринского озера и спустили на воду «Одуванчик».

«Эх, — думал я, — сейчас бы нам устиновские валенки, — хоть немного согреться».

Шёл холодный дождь.

Продолжение
следует.

Виктор ЛУНИН

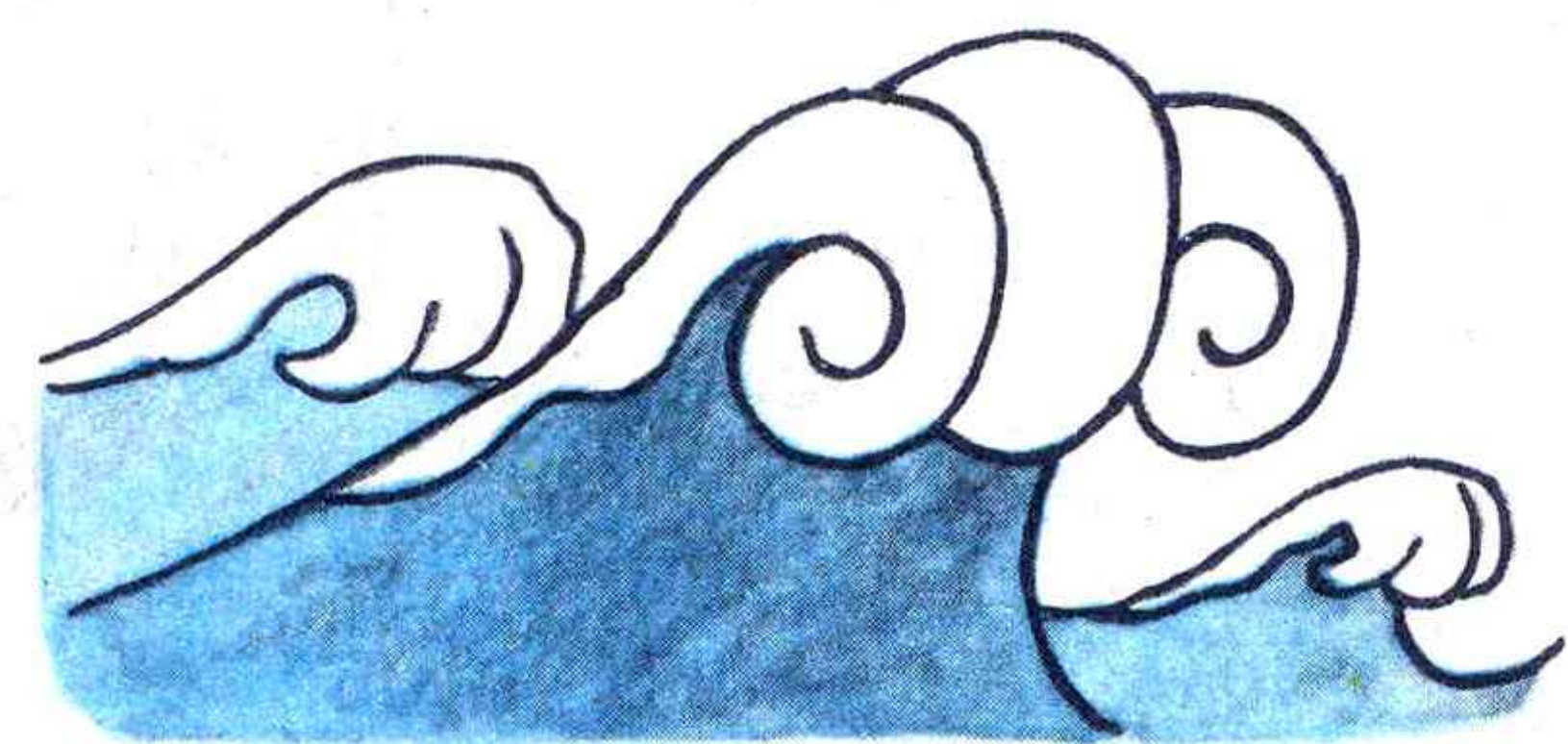
БАРАШЕК

Увидел я, как по морю,
По голубой волне,
Бежит барашек беленький —
Спешит навстречу мне.

Хотел его погладить я,
Бесстрашно в воду влез.
А он подплыл к ногам моим
И тотчас же исчез.

ВЕСНА

Пробудившись ото сна,
Кистью мягкой весна
На ветвях рисует почки,
На полях — грачей цепочки,
Над ожившею листвою —
Первый росчерк грозовой,
А в тени прозрачной сада —
Куст сирени у ограды.

Про Красную Шапочку

Г. СНЕГИРЁВ

Помните, как Красная Шапочка понесла своей больной бабушке пирожок и горшочек с маслом. И как встретился ей Волк в лесу. И как он прибежал раньше Красной Шапочки, и съел бабушку, и улёгся в её постель, а потом, когда пришла Красная Шапочка, он обманул её и тоже съел.

Но дровосеки услышали, подросли и убили Волка, а девочка с бабушкой вылезли из волчьего брюха целы и невредимы.

Ребята знают эту сказку Шарля Перро почти наизусть, но каждый раз, когда Красная Шапочка встречает Волка в лесу, ребятам хочется крикнуть: «Не ходи, не ходи к бабушке, Волк обманывает тебя!»

И когда приходит Красная Шапочка, а Волк притворяется бабушкой, маленьким ребятам очень страшно.

Зато как хорошо, когда дровосеки убивают Волка и девочка с бабушкой остаются живы.

Ребята любят, чтобы в сказке конец был хороший, добрый.

Много, много лет все дети любят слушать эту сказку, волноваться, а потом радоваться.

Так всегда бывает с настоящими сказками. Такие сказки живут вместе с детьми, и никогда дети не устанут слушать про Красную Шапочку и Серого Волка.

Линогравюра В. КОЛТУНОВА

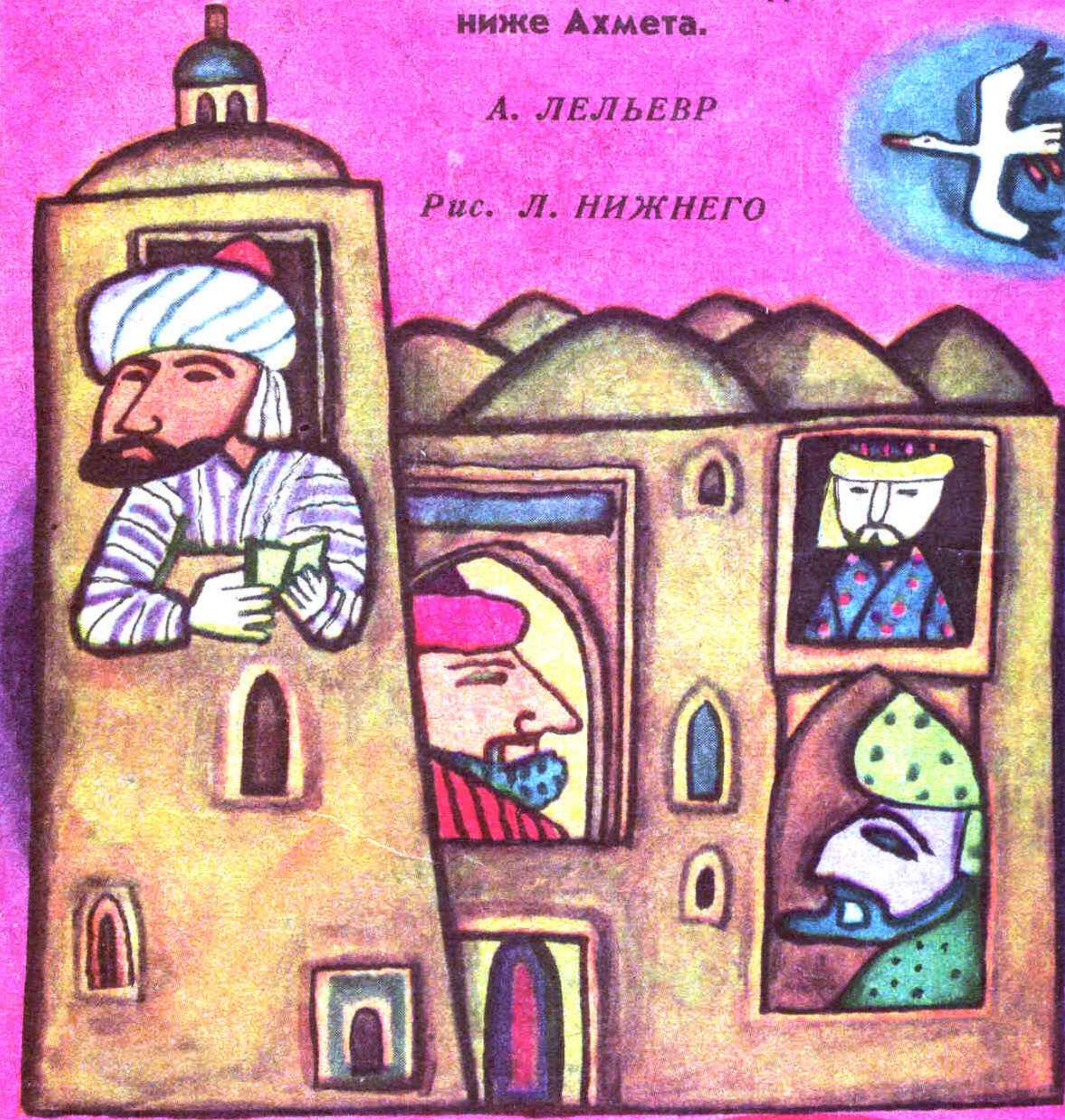

? ПОДУМАЙ? ОТГАДАЙ?

В караван-сараях поселились четыре путешественника: Али, Хасан, Саид и Ахмет. Хасан живёт выше Саида, Али — ниже Ахмета.

А. ЛЕЛЬЕВР

Рис. Л. НИЖНЕГО

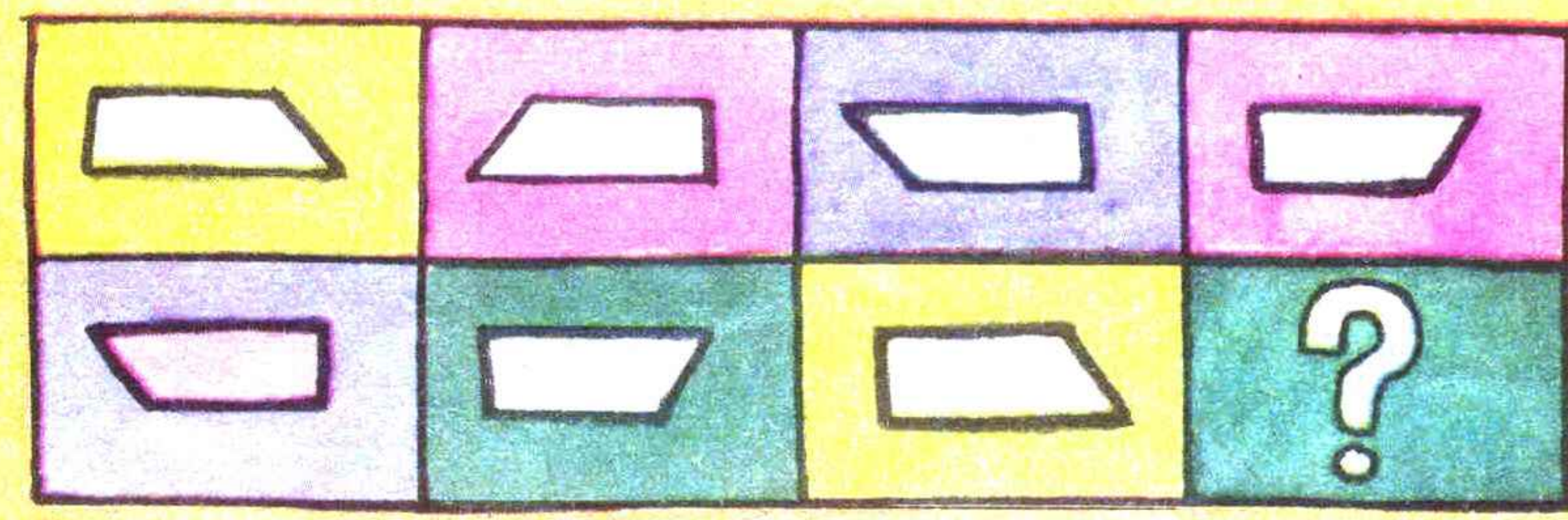

Это Али.

Это кто!

Чем фигуры нижнего ряда похожи на фигуры верхнего ряда? Чем непохожи? Какую фигуру надо нарисовать в пустой клетке? Ответы смотри в № 6.

ПЕТР СТЫПОВ СОРОКОНОЖКА

К большому лесу, что стоял на берегу большой реки, приползла сороконожка. Как игрушечный поезд. Раз-два, раз-два — передвигались её ножки одна за другой.

Повстречала она паука с толстым животом.

— Скорее посторонись, — сказала сороконожка.

— Подожди. Сейчас натяну сеть между ветками, тогда пойдёшь. Я буду отдыхать, а сеть наловит мух. Самое лучшее на свете — это мухи.

— Может быть, — сказала сороконожка. — Но как ты полезешь на дерево? У тебя, бедняги, только восемь ног. Где остальные? Кто их оторвал?

— Послушай, — удивился паук. — И мой отец, и моя мать, и все мои братья имеют по восемь ног. Зачем нам ещё?

— Какое несчастье! — вздохнула сороконожка. — С восемью ногами я даже с места не смогла бы сдвинуться. Скажу откровенно — лучше уж умереть в таком случае.

Паук хотел было возразить, но в это время на берег реки прилетел аист Трак. Как увидела сороконожка его длинные две ноги, с жалостью сказала:

— О, бедный аист! Какой же ты горемыка! Где твои другие ноги?

— Трак! — щёлкнул аист клювом. — Трак! Другие? Мне другие не нужны. Я родился с двумя ногами.

Сороконожка всё пыталась убедить его, что каждому живому существу нужно иметь сорок ног.

И тут на поверхности воды показались острые рачьи усы.

— Что за шум? — спросил рак. — Вы пугаете рыб, и они не попадутся в мои клешни.

Он попятился назад всеми своими восемью лапами.

— Что за неуклюжее существо? — проговорила сороконожка.

А про себя подумала, что сама она — полное совершенство.

Вдруг откуда-то сверху послышался грозный голос:

— Что вам тут нужно в моих владениях?

На дереве стояла обезьяна и сжимала в лапах кокосовый орех.

— Как это в твоих? — сказал рак.

— В моих! Тут я повелеваю.

— Может, ты и моим хвостом повелеваешь? — усмехнулся рак. — И рекой, и всеми подводными камнями, и рыбой?

Аист щёлкнул клювом и сказал:

— Извините, подводные камни меня не интересуют, но лягушки в реке мои!

— А трава моя, — вступила в разговор сороконожка. — Я по ней ползаю, забираюсь под щепки...

— Ну уж деревья-то мои, я живу на деревьях, — проговорила обезьяна. Хоп! Подскачила, ухватилась за одну ветку и — раз! — оказалась на другой.

— Эй! — крикнула сороконожка. — А можешь ты передвигаться по земле, как я?

Обезьяна даже расхохоталась. Может ли она? Пожалуйста. Она спустилась на землю. Пробежала на четырёх ногах. Затем опять подскочила. Раз-два! И оказалась на верхушке дерева.

— Может, ещё увидимся! — крикнула она оттуда.

И сороконожка подумала, что всякое существо имеет столько ног, сколько ему нужно.

И уползла в траву.

Паук вновь стал плести сеть, аист — ловить лягушек, а рак попятился к своим подводным камням...

Перевёл с болгарского Олег ТИХОМИРОВ

Рис. А. СЕМЁНОВА

ВОДОМЕРКА

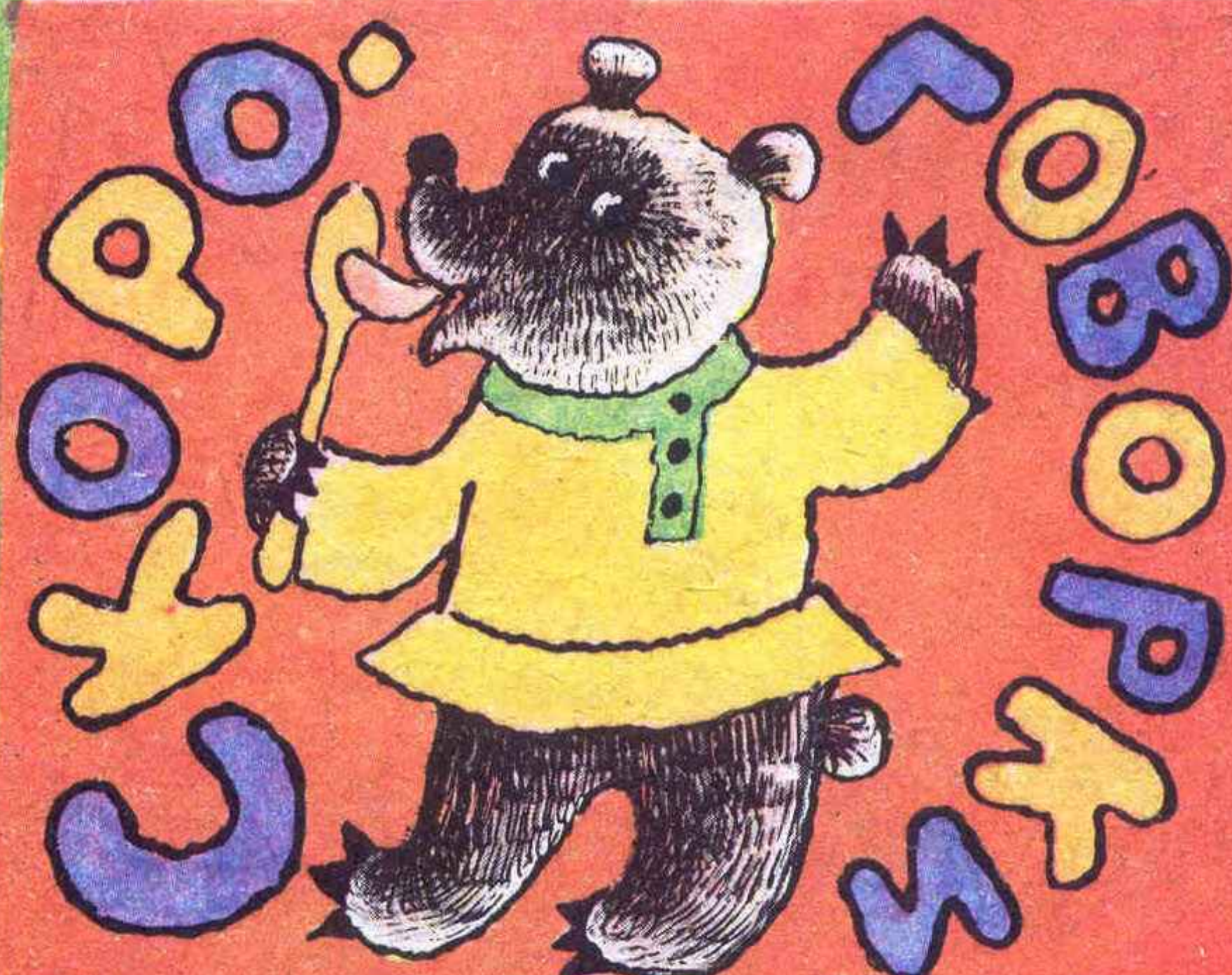
ПОД МЕЛОДИИ ПТИЧЬЕГО СВИСТА ВОДОМЕРКА БЕЖИТ, ФИГУРИСТКА, ВЫСТУПАЕТ НА ГЛАДИ ПРУДА, ПОД НОГАМИ НЕ ЛЁД, А ВОДА.

ДМИТРИЙ

ГРИБЦОВСКИЙ

КУЧА
МАЛА
МАЛАМАЛАКУЧА

КНИЖНАЯ ПОЛКА

КНИЖКИ НА ПОЛКЕ СТОЯТ КОЕ-КАК. РАССТАВЬТЕ ИХ ПО ПОРЯДКУ И ПРОЧИТАЙТЕ НАЗВАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ. КТО ЕГО АВТОР? (ЕСТЬ И ФИЛЬМ ПО ЭТОЙ КНИГЕ.)

РИС. Э. АВАКЯН

ВЫМЫЛИ
МЫШКИ
МИСКИ
ДЛЯ
МИШКИ

НИКОЛАЙ ЕМОРОВ

НАЛОВИЛ ВАЛЕРИЙ
ПОЛОВЕДРА ФОРЕЛИ.
УГОСТИЛ ФОРЕЛЬЮ
ДАРЬЮ И ЛУКЕРЬЮ.

ПОСЛОВИЦА

ЗДЕСЬ ЗАШИФРОВАНА ПОСЛОВИЦА. СПРОСИТЕ У ЗВЁЗДОЧКИ: МОЖЕТ БЫТЬ, ОНА ПОМОЖЕТ ВАМ ПРОЧИТАТЬ ЭТУ ПОСЛОВИЦУ?

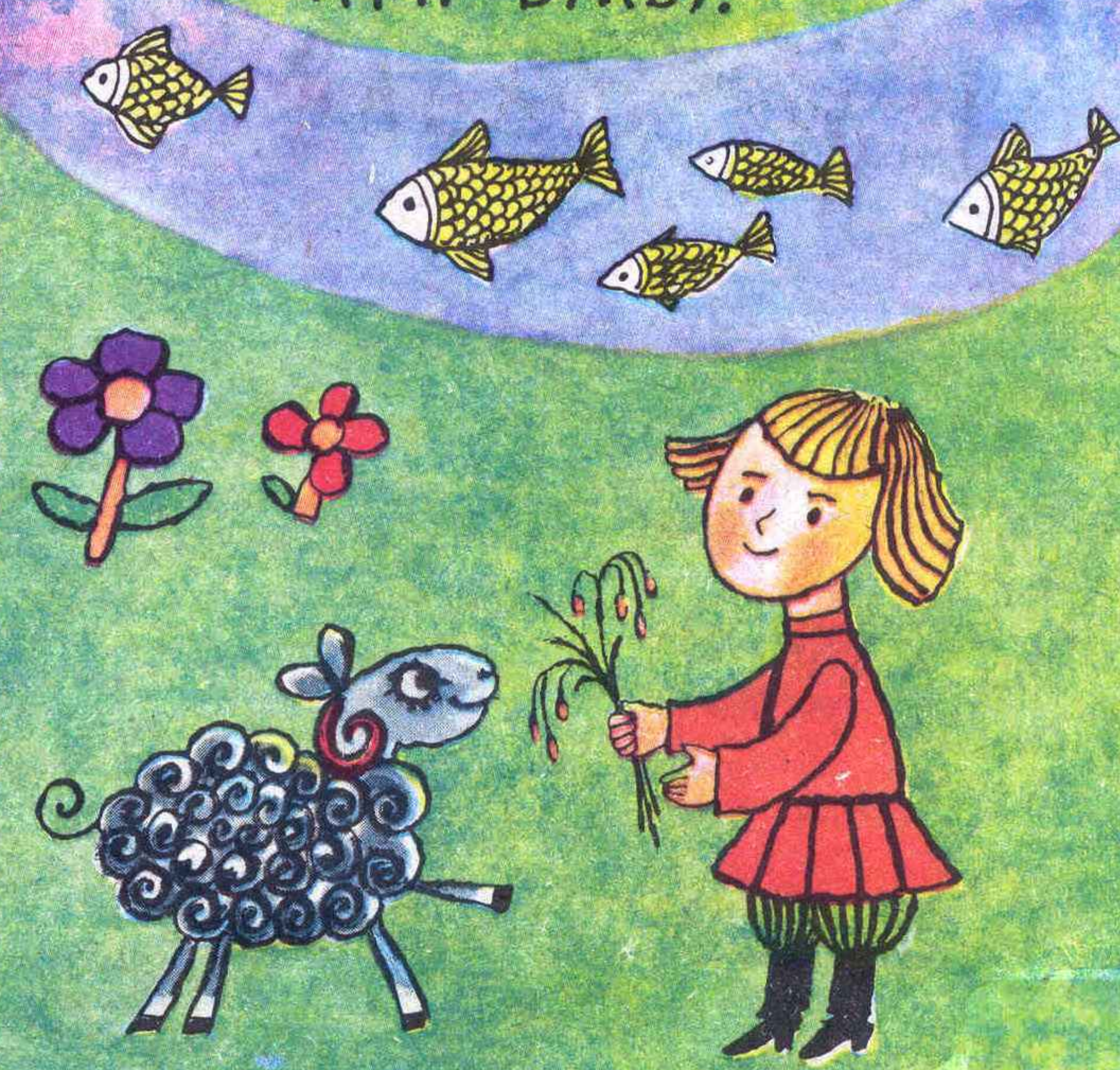
а

Н. САДОВЫЙ
СЕЙЧАС КАЖДЫЙ ИЗ ВАС МОЖЕТ СТАТЬ ВЕЛИКИМ ВОЛШЕБНИКОМ: ПРЕВРАТИТЬ СОБАКУ ВО ЛЬВА. ДЛЯ ЭТОГО НАДО В ТРИ ПУСТЫЕ СТРОЧКИ ВПИСАТЬ СЛОВА - КАЖДОЕ ИЗ ТРЁХ БУКВ. НО ОТ ПРЕДЫДУЩЕГО СЛОВА ОНО ДОЛЖНО ОТЛИЧАТЬСЯ ТОЛЬКО НА ОДНУ БУКВУ.

Д	О	Г
Л	Е	В

Я НАРВАЛ
ОВЦЕ ОВСА.
ЕШЬ СКОРЕЙ
ОВЁС, ОВЦА.

Главный редактор В. МАТВЕЕВ

Редколлегия:
З. Александрова,
С. Алексеев,
А. Барто,
А. Ермолаев,
Н. Емельянова,
Е. Ершова
(зам. главного редактора),
Ю. Казанов,
М. Коршунов,
А. Митяев,
Ю. Молоканов,
К. Орлова
(ответственный секретарь),
Е. Рачёв,
Н. Чеснокова,
В. Чижинов

Художественный редактор Г. Макавеева

Технический редактор Л. Петрова

Сдано в набор 11/III 1977 г.
Подписано к печати 1/IV 1977 г.
Формат 84x108^{1/16}.
Печ. л. 2 (усл. 3,36).
Уч.-изд. л. 4.
Тираж 5 800 000 экз.
Цена 10 коп.
Заказ 298.

Адрес редакции журнала «Мурзилка», ордена Трудового Красного Знамени издательства и типографии ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Суцёвская, 21. Телефон 250-45-08.

Рисунок на обложке Н. УСТИНОВА

Разрежь страничку на квадратики. Если ты правильно их сложишь, узнаешь, к какой сказке эта иллюстрация.

Рис. Э. АВАКЯН